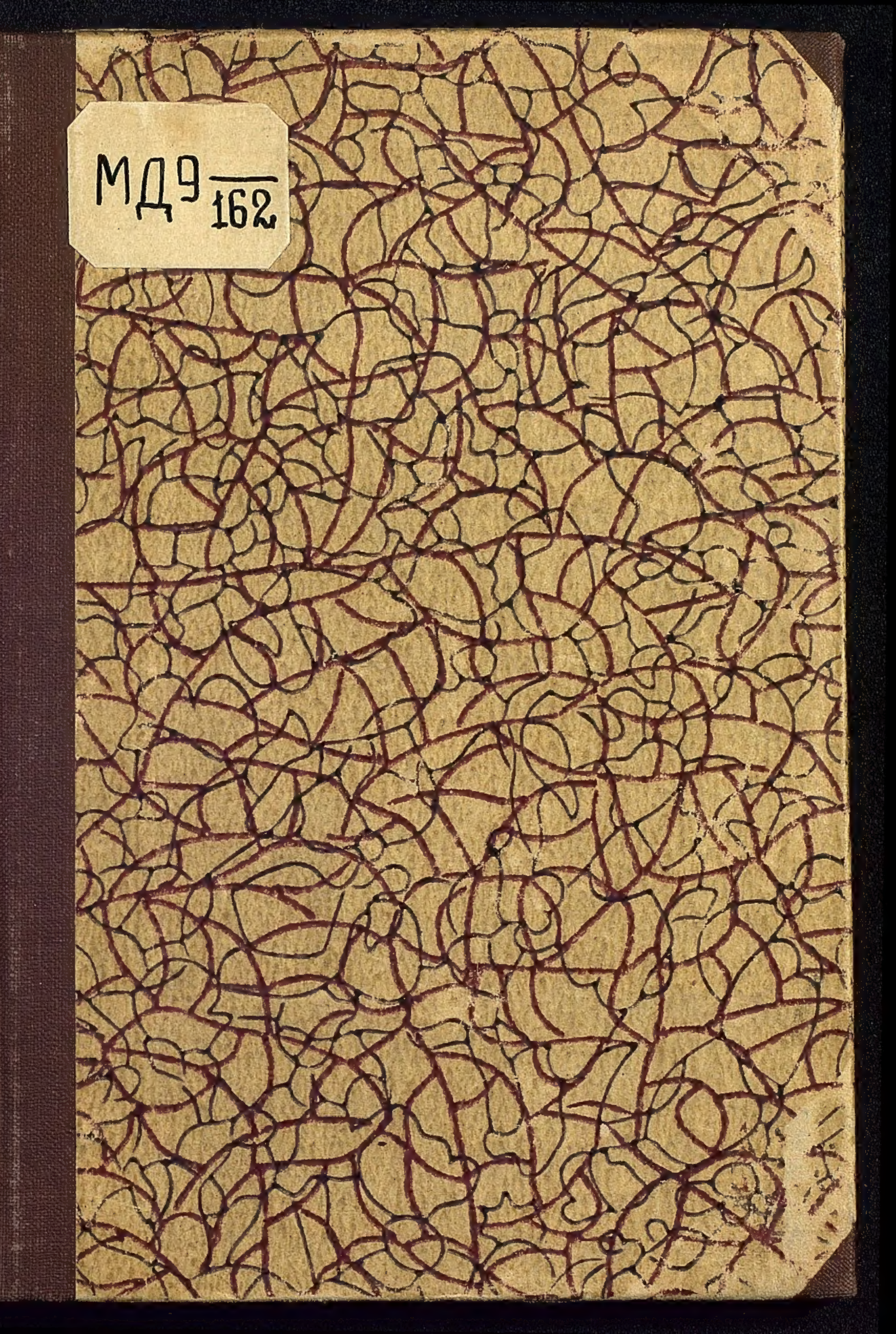
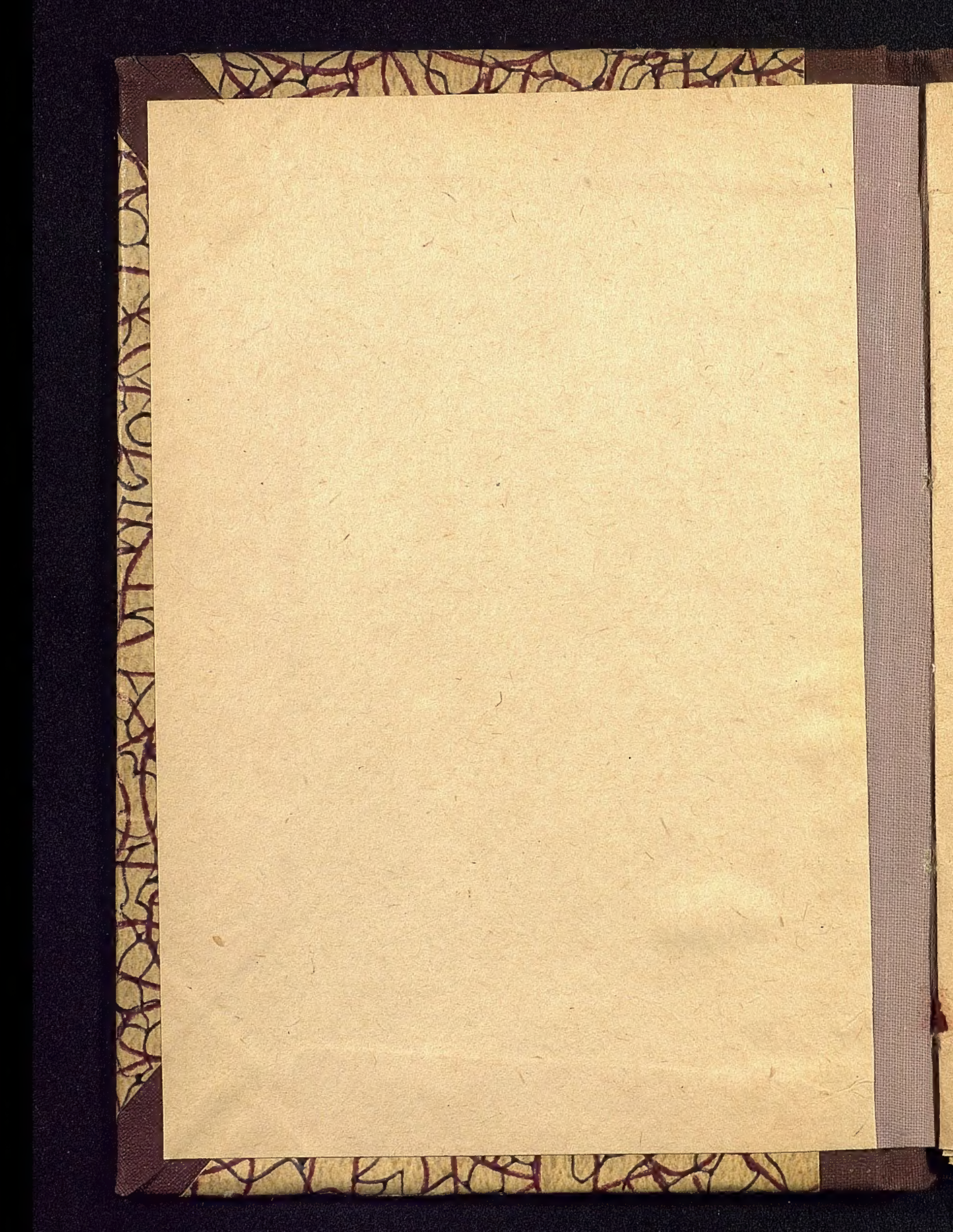
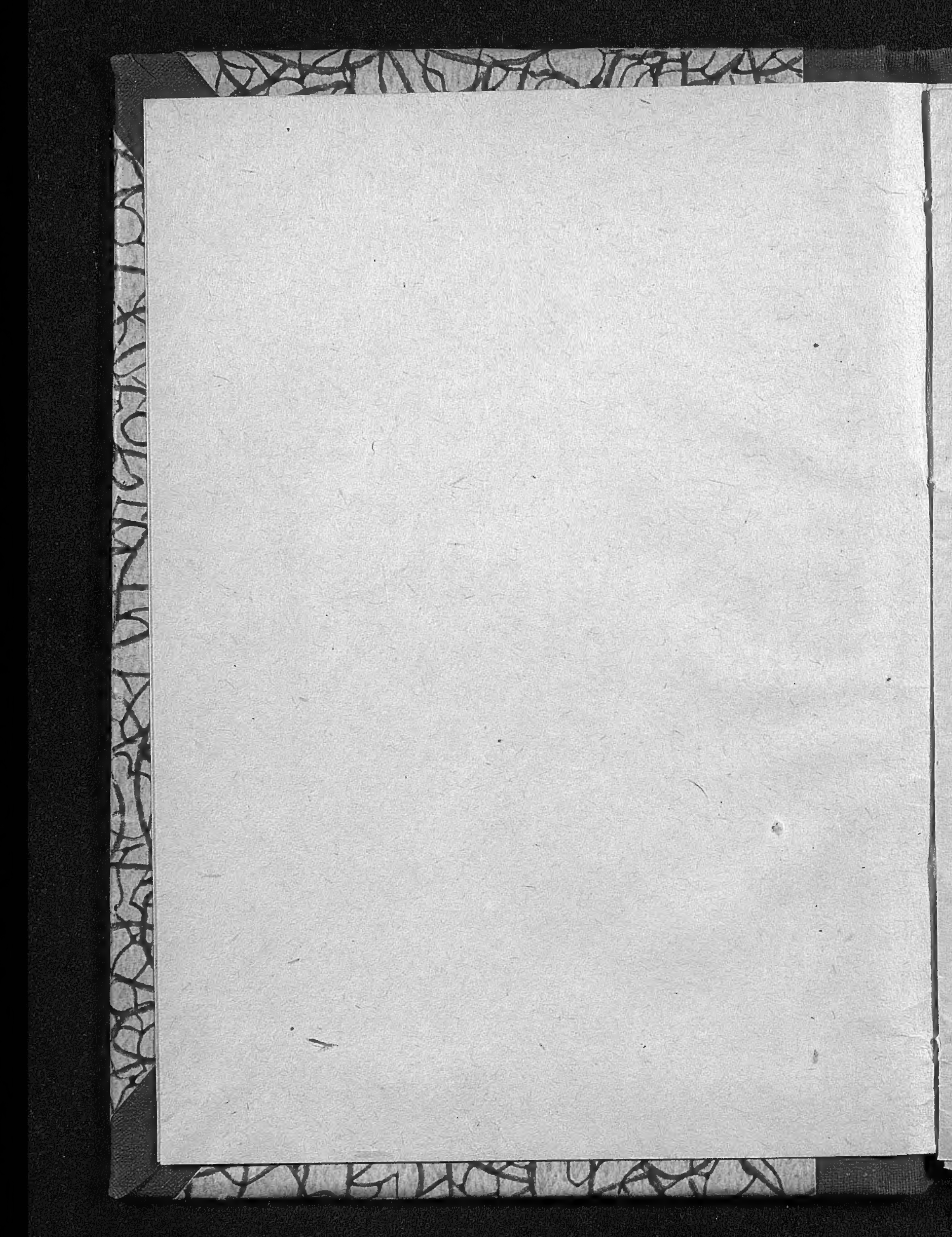

МД9 162





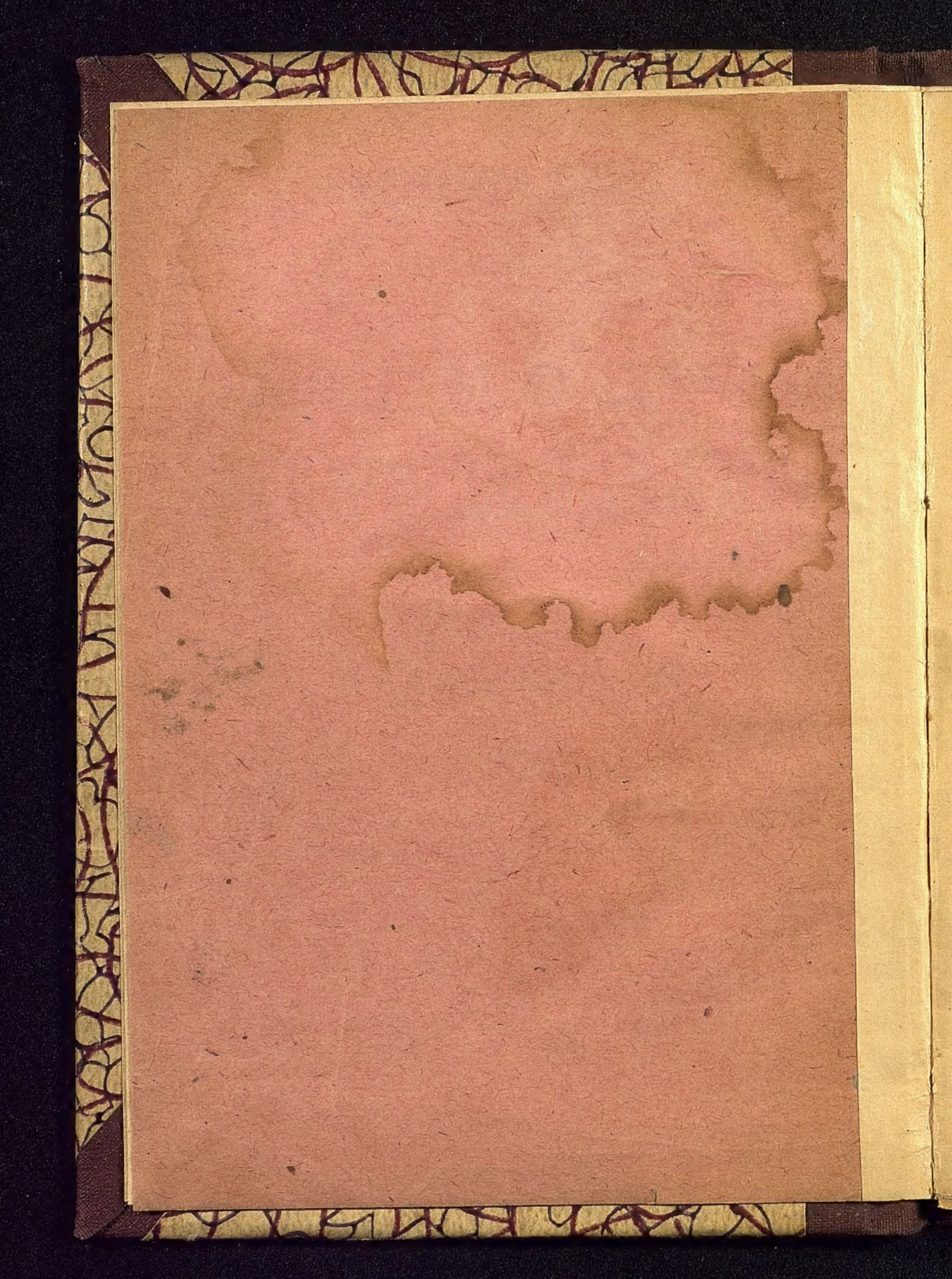
БОРИСЪ ВЛАДИМІРОВЪ.

ДОМЪ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Вл. МАЙСТРАХЪ.

Безплатное приложеніе
къ газетѣ „ТРУДОВАЯ КОПѢЙКА“

МОСКВА
Типогр. Акц. О-ва «Московское Издательство», Б. Дмитровка, 26.
1915 г.



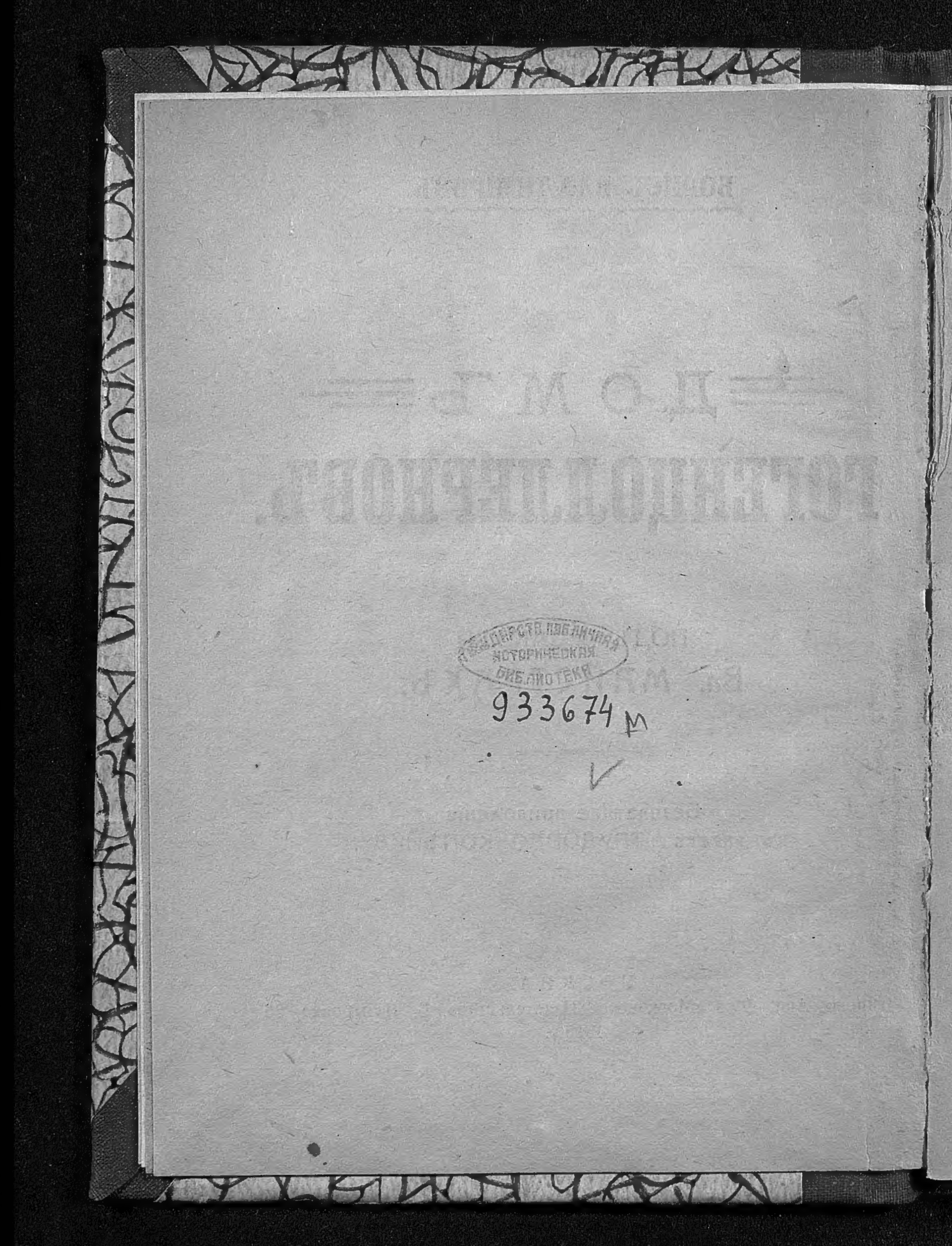
БОРИСЪ ВЛАДИМІРОВЪ.

ДОМЪ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ.

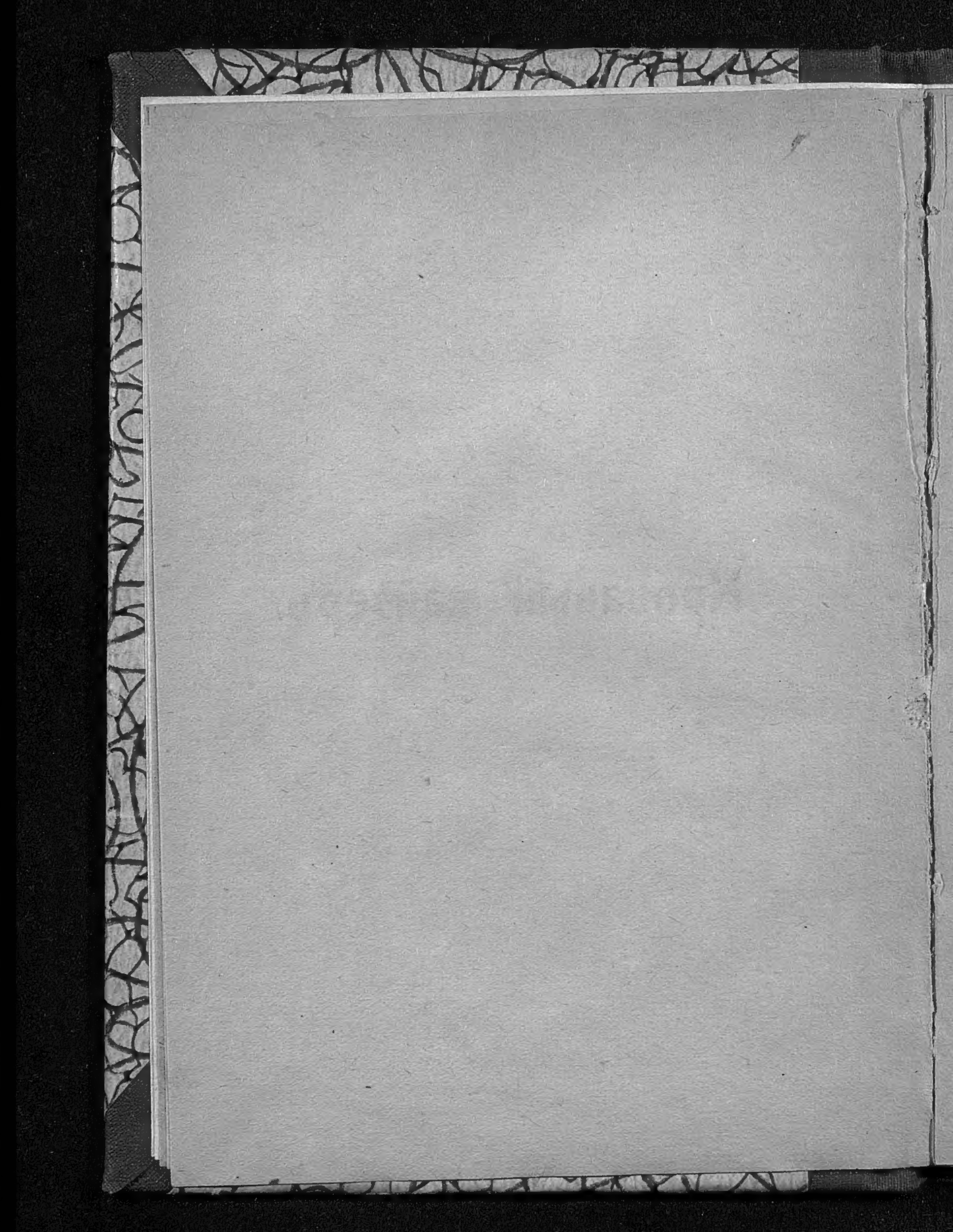
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Вл. МАЙСТРАХЪ.

Безплатное приложеніе
къ газетѣ „ТРУДОВАЯ КОПѢЙКА“.

МОСКВА.
ипогр. Акц. О-ва «Московское Издательство», Б. Дмитровка, 26.
1915 г.



Кровавый кайзеръ.



ВСТУПЛЕНІЕ.

Теперь, когда багряное зарево мірового пожара охватило зловѣщимъ блескомъ всѣ страны свѣта, озаряя опустѣвшія поля, разграбленные города и села, разрушенныя бомбардировкой чудовищъ - орудій церкви... Когда на защиту родины поднимаются цѣлые народы, гибнутъ мгновенно десятки тысячъ людей въ пожирающемъ пламени войны, становится страшно за того, кто бросилъ искру въ горючій матеріалъ международныхъ отношеній, разгорѣвшуюся въ гигантское міровое пожарище. Кто же этотъ преступникъ предъ народами и цивилизаціей?

— Это Вильгельмъ II,—кровавый кайзеръ, котораго нѣкогда именовали стражемъ культуры Германіи. Да, это онъ бросилъ вызовъ міру, всему гуманному и дѣйствительно культурному человѣчеству.

По его слову гибнутъ массы народа, разстрѣливаются сотни мирныхъ гражданъ—дѣтей и женщинъ Бельгіи и Польши. Онъ топитъ гигантскіе пароходы, переполненные мирными пассажирами нейтральныхъ государствъ, офицеры его арміи доканчиваютъ беззащитныхъ раненыхъ на опустѣвшемъ полѣ сраженія; а исполинскіе воздушные корабли кидаютъ десятки бомбъ въ поселенія, не имѣющія никакого военнаго значенія.

Къ этому добавляется еще гнусное нарушеніе международной конференціи—удушливые газы, калѣчащіе человѣка на всю его послѣ этого уже не долгую жизнь.—Вотъ устрашающій примѣръ германскаго милитаризма, примѣръ тѣхъ ужасныхъ извращеній нравственнаго чувства, къ которымъ приводятъ преклоненіе предъ силой «крови и желѣза». Обученный варваръ—вотъ имя, которое нужно дать этому нѣмцу.

Печальная дѣйствительность раскрываетъ намъ ту огромную разницу между обученіемъ—съ одной стороны и облагораженной духовной культурой, просвѣщеніемъ—съ другой. Можно быть умственно образованнымъ, ученымъ, но нравственно варваромъ: ибо духовная культура не является (какъ ошибочно думали) прямымъ слѣдствіемъ образованія.

Всякое знаніе и образованіе—есть неоспоримое оружіе прогресса; но въ прогрессированіи можетъ быть какъ злое, такъ и доброе начало, почему знаніе можетъ послужить къ увеличенію силы добра и зла, ведетъ міръ впередъ и назадъ, освобождаетъ и порабощаетъ.

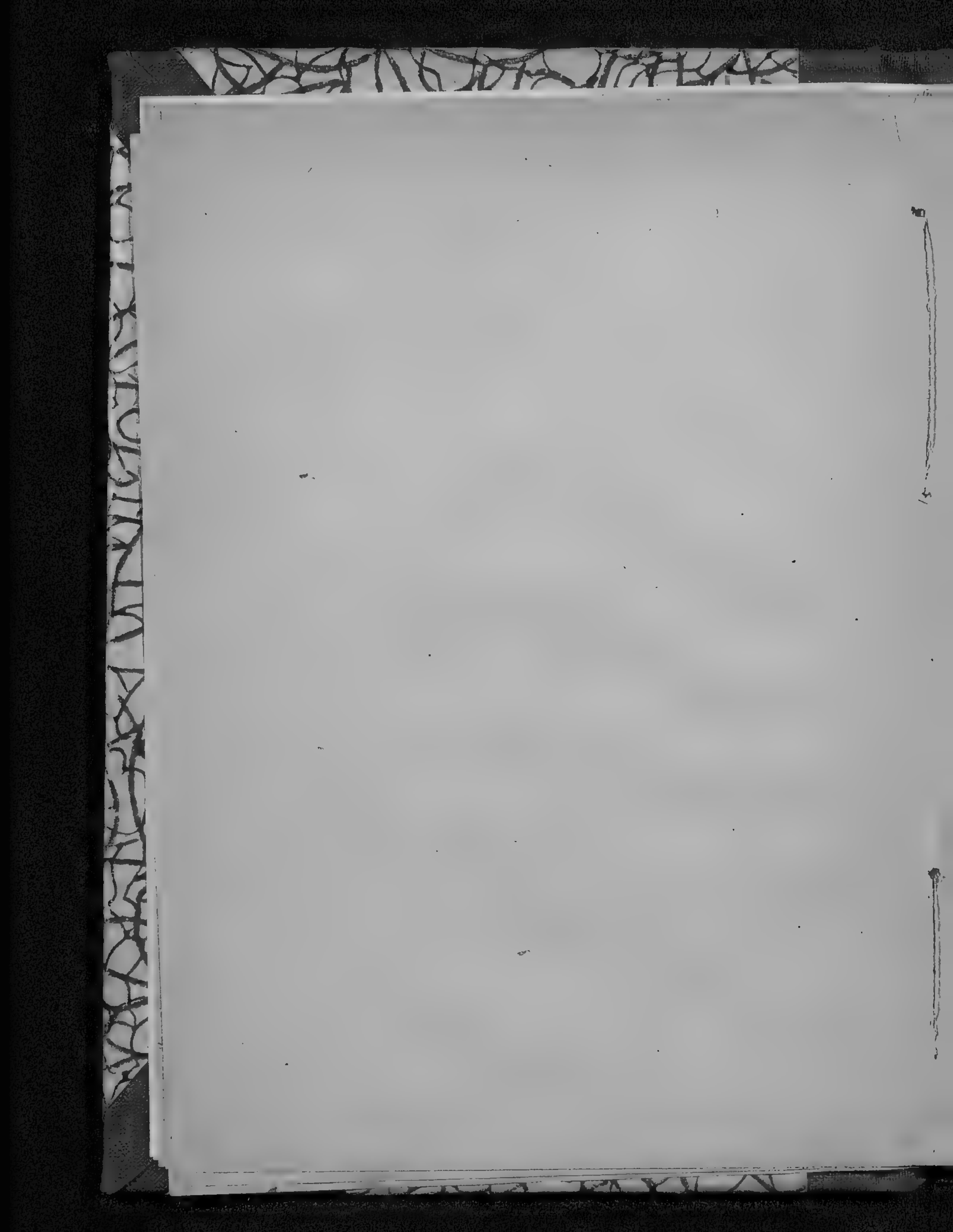
Нѣмцы обладаютъ знаніемъ, но не духовной, нравственной культурой, не просвѣщенные они люди, а обученные... варвары. Кто же тотъ, который толкнулъ ихъ на путь гибели ихъ, ослѣпленныхъ своей желѣзной «культурой», фатерландомъ? — все тотъ же Вильгельмъ II.

Итакъ, нѣмцы владѣютъ черствымъ знаніемъ, но не моральной культурой.

Они все сдѣлали, чтобы у нихъ были великіе «бронированные» кулаки, но великой души—въ современныхъ нѣмцахъ не ищите.

И прежде всего у кроваваго кайзера.

Отвѣчая требованіямъ минуты, постараемся по послѣднимъ даннымъ прессы привести матеріалъ, дающій правильное освѣщеніе личности Вильгельма II, и исторіи его дома, дома Гогенцоллерновъ.



Вильгельмъ и его предки.

Родоначальникомъ Гогенцоллерновъ былъ богатый негоціантъ, ставшій въ тринадцатомъ столѣтіи, первымъ бургграфомъ Нюренберга.

Его потомки, начиная съ Фридриха Гогенцоллерна, курфюрста бранденбургскаго, возвели родъ Гогенцоллерновъ на ту высоту, съ которой нынѣ грозитъ низвергнуть его императоръ Вильгельмъ.

Фридрихъ Гогенцоллернъ (1380—1440) стяжалъ себѣ извѣстность тѣмъ, что оказывалъ матеріальную помощь государямъ тѣхъ странъ, которыя испытывали денежныя затрудненія вслѣдствіе войны.

За свою помощь онъ бралъ, однако, большіе проценты. Императоръ Сигизмундъ, напримѣръ, кромѣ уплаты 700 процентовъ, долженъ былъ еще возвести своего кредитора въ достоинство курфюрста.

Это послѣднее и послужило началомъ постепеннаго, большею частью также коммерческаго характера дѣлами, возвеличенія Гогенцоллерновъ.

Вообще, если мы обратимся къ изученію біографіи предковъ Вильгельма, то увидимъ, что кромѣ коммерческихъ способностей—онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ

предковъ и много другихъ, преимущественно, скверныхъ.

Самымъ любимымъ предкомъ Вильгельма, по его собственному признанію,—бывшій довольно «нечистымъ на руку»—курфюрстъ Іохимъ I (1499—1534 гг.), отъ котораго, очевидно, Вильгельмъ и унаслѣдовалъ неразборчивость въ средствахъ для достиженія намѣченной цѣли.

Любимымъ «изрѣченіемъ» Іохима было слѣдующее выраженіе, которому онъ неукоснительно слѣдовалъ всю жизнь:

— *Нѣтъ стыда въ томъ, чтобы воровать и убивать: лучшіе въ странѣ, дѣлаютъ это.*

Хотя, къ чести Вильгельма, нужно сказать, что родового завѣта Іохима о воровствѣ, больше придерживаются его сыновья, достаточно показавъ въ бытность свою въ Бельгіи и Франціи, что они вполнѣ достойны своего предка.

Іохима I соединяетъ съ Вильгельмомъ II, еще одна общая подробность:

Іохимъ въ первый же день своего курфюршества нашелъ въ своихъ аппартаментахъ повѣшенную кошку, и подлѣ нея записку:

Іохимъ берегись! Гдѣ мы найдемъ тебя, тамъ и повѣсимъ!

Когда императоръ Вильгельмъ впервые вошелъ въ новый флигель берлинскаго дворца, онъ споткнулся на порогѣ о трупикъ повѣшенной кошки, въ лапы которой былъ всунутъ клочекъ бумаги съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью:

«Если ты будешь царствовать не такъ, какъ твой отецъ, ты будешь повѣшенъ, какъ эта кошка!»

Можно еще добавить, что какъ Іохимъ I, такъ и императоръ Вильгельмъ II, избралъ своимъ щитомъ имя «Добраго, Стараго Бога».

Кощунственность и жестокость, не разъ проявляемыя Вильгельмомъ,—такъ же достались ему отъ предковъ, обладающихъ ими всѣ безъ исключенія...

Особенно извѣстенъ въ этомъ сынъ основателя рода Гогенцоллерновъ курфюрстъ Фридрихъ II (1440—1470 гг.), занявшій престолъ курфюрстра, несмотря на то, что былъ признаннымъ безумцемъ, и при томъ безумцемъ звѣрски-жестокимъ.

У себя во дворцѣ, въ одной изъ башенъ, онъ воздвигъ великолѣпную статую Мадонны, съ ангельски-чистымъ кроткимъ лицомъ и съ руками античной богини.

Къ этой Мадоннѣ онъ подводилъ тѣхъ, кого считалъ своими врагами, и приказывалъ:

— Если вы вѣрны мнѣ,—то обнимите статую Мадонны.

Приказаніе исполнялось, но при первомъ же прикосновеніи, статуя раскрывалась, обнаруживая скрытую въ ней адскую машину, которая мгновенно принималась перемалывать кости того, кто до нея дотронулся. Только безумцу могла притти кощунственная мысль скрыть подъ ликомъ Святой Дѣвы орудіе пытки!

Возможно, что если бы міръ не ушелъ такъ далеко отъ мрачныхъ годовъ средневѣковья, съ ихъ открытой жестокостью,—Вильгельмъ такъ же бы завелъ у себя во дворцѣ статую Мадонны, переламывающую ребра его враговъ.

Очевидно, ему въ этомъ помѣшалъ внѣшній налетъ культурности и корректности германскаго народа.

Чтобы закончить нашъ очеркъ изъ области скверныхъ и показныхъ поступковъ рода Гогенцоллерновъ—скажемъ нѣсколько словъ о распущенности нравовъ и развратѣ, всегда царившемъ при ихъ дворѣ.

По тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя проникали въ печать, мы можемъ судить, какъ великъ развратъ при дворѣ Вильгельма II, чему во многомъ онъ способствовалъ самъ.

И даже это досталось ему по наслѣдству отъ предковъ.

Особенно отличился въ этомъ «великій курфюрстъ» Фридрихъ-Вильгельмъ, основатель прусскаго величія.

Его постоянно окружалъ цѣлый штатъ здоровыхъ, полнотѣлыхъ, красивыхъ женщинъ; одна фаворитка смѣнялась другой, чуть ли не ежедневно, какъ говорятъ, съ легкостью перчатокъ.

И все это дѣлалось при дворѣ, открыто, безъ всякаго зазрѣнія.

Вообще при дворѣ этого «основателя прусскаго величія» царили ужасные нравы и обычаи, да и самъ онъ отличался большой нечистоплотностью и отвратительными манерами.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что слово есть даръ Божій, онъ не любилъ тратить даромъ этихъ словъ и разговоры замѣнялъ плевками, не считаясь съ тѣмъ, куда и въ кого они попадаютъ. Никто бы не упрекнулъ великаго курфюрста въ излишней скромности, такъ какъ врядъ ли могло бы казаться признакомъ скромности его изреченіе:

— Я самъ для себя Богъ, мнѣ не надо другого.

Вотъ очень немногія данныя изъ біографіи рода Гогенцоллерновъ.

И можно ли послѣ всего этого удивляться поступкамъ Вильгельма.

Онъ только бережливый сынъ отцовскаго наслѣдства.

И счастье всего міра, что этому наслѣдству въ будущемъ уже нельзя будетъ разрастаться и приносить человѣчеству вредъ.

Больной или ненормальный?

Вильгельмъ II нашелъ еще при жизни своихъ историковъ,—суровыхъ и безпощадныхъ.

Несомнѣнно, что за послѣднюю четверть вѣка реклама сдѣлала его самымъ виднымъ лицомъ въ Европѣ. Ни о комъ столько не говорилось и не писалось какъ о «кайзерѣ».

Въ то время, какъ всѣ остальные вѣнценосцы Европы упорно избѣгали всего, что могло вынести ихъ личную жизнь, ихъ воззрѣнія на судъ толпы, кайзеръ упорно стремился къ тому, чтобы весь міръ не переставалъ говорить о немъ. По поводу этой странности его натуры, британская печать въ періодъ сильнаго охлажденія отношеній съ Германіей, сдѣлала такую характеристику германскому императору:

«Вильгельмъ II въ своей погонѣ за дешевыми эфектами и популярностью, похожъ на выскочку, случайно затесавшагося въ рядъ потомственныхъ вѣнценосцевъ»!..

Среди всей огромной литературы «кайзеризма», родившейся за послѣдніе мѣсяцы, попадаются очень

документальные и серьезные труды. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести и недавно появившуюся книгу Арнольда Уайта: «Is the kaiser insane?»—«Безуменъ ли кайзеръ?»

Авторъ—извѣстный англійскій журналистъ — имѣлъ возможность лично бесѣдовать съ Вильгельмомъ II и много путешествовалъ по Германіи, сталкиваясь при этомъ съ видными представителями германскихъ правящихъ сферъ. Въ Англіи онъ извѣстенъ какъ ярый противникъ пангерманизма и открытый недоброжелатель Вильгельма II, о которомъ онъ неоднократно высказывалъ самыя рѣзкія мнѣнія.

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ онъ рѣшительно склоненъ видѣть въ Вильгельмѣ II психически больного человѣка, опираясь не только на свои личныя впечатлѣнія, но и на свидѣтельство весьма извѣстнаго въ Англіи психіатра, имя котораго онъ скрылъ подъ иниціалами «М. Д.».

Діагнозъ врача-психіатра является достаточно обоснованнымъ, но и впечатлѣнія стараго, опытнаго журналиста-психолога и чуткаго наблюдателя являются тоже не менѣе цѣнными.

Англичанинъ о Вильгельмѣ II.

Итакъ, Уайтъ воспроизводитъ въ подробностяхъ свои впечатлѣнія отъ свиданія съ кайзеромъ въ іюнѣ 1902 года.

Морской министръ фонъ-Тирпицъ выступилъ ходатаемъ предъ Вильгельмомъ II, и 3 іюня Уайтъ очутился со своимъ чичероне въ Потсдамѣ. Аудіенція дана была

на террасѣ дворца, причемъ кайзеръ все время нервно шагалъ взадъ и впередъ, увлекая за собой своихъ спутниковъ.

Разговоръ начался съ недавнихъ недоразумѣній между Англіей и Германіей. Вильгельмъ быстро произнесъ видимо заранѣе приготовленную рѣчь о роли Германіи въ этомъ столкновеніи. Уайтъ задалъ вопросъ— является ли онъ другомъ или врагомъ Англіи?

Императоръ мгновенно и круто остановился и вспыхнулъ:

— Другъ Англіи?—и полилась нервная рѣчь на тему, что Англія управляется самыми неспособными министрами въ мірѣ, соглашеніе съ которыми весьма затруднительно.

— Послѣ вашихъ декабрьскихъ пораженій въ 1899 году, я сѣлъ и написалъ моей бабушкѣ, королевѣ Викторіи, желательный планъ военныхъ дѣйствій въ Трансваалѣ. Этотъ планъ былъ примѣненъ 4 мѣсяца спустя лордомъ Робертсомъ съ большимъ успѣхомъ! Только мнѣ вы обязаны тѣмъ, что удержали Южную Африку.

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ на похоронахъ королевы Викторіи онъ предупреждалъ лорда Сальсбюри относительно нѣкоторыхъ морскихъ мѣропріятій.

— Вообще,—добавилъ Вильгельмъ,—если бы мои берлинцы знали о всемъ томъ участіи, которое я проявлялъ къ Англіи,—они сильно вознегодовали бы.

— И свергли бы ваше величество съ трона, пожалуй?—спросилъ Уайтъ.

— Ну, это пусть попробуютъ... Какъ бы не разбились головы!—отвѣтилъ императоръ, смѣясь рѣзкимъ, металлическимъ смѣхомъ и обнажая зубы въ непріятной гримасѣ.

Разговоръ перешелъ на англійскую прессу, и Вильгельмъ, негодуя, сказалъ, что она даетъ Англіи ложное представленіе о культурной Германіи.

— Кстати,—замѣтилъ онъ,—обратите вниманіе на то, какъ ваши туристы изучаютъ нашу страну. Они пріѣзжаютъ на Рейнъ и пьютъ пиво; въ Дрезденѣ—пьютъ пиво; въ Мюнхенѣ—тоже! И ни одинъ изъ нихъ не заглянетъ въ Берлинъ. И никогда ни одинъ изъ вашихъ офицеровъ не заинтересуется нашими маневрами. А какъ многому они могли бы поучиться у насъ!

Было бы долго приводить дальнѣйшій разговоръ журналиста съ кайзеромъ. Достаточно указать на то, что вмѣсто назначенныхъ 10 минутъ аудіенція затянулась почти на цѣлый часъ, и только вмѣшательство фонъ-Тирпица положило ей конецъ.

Уайтъ былъ пораженъ способностью кайзера переходить безъ видимой причины съ предмета на предметъ. Получалось впечатлѣніе, будто мысли его блуждали поверхностно, не останавливаясь подолгу ни на чемъ. Отъ своей любви къ «бабушкѣ Викторіи» онъ переходилъ гнѣвно и желчно къ осужденію Сальсбюри, отъ недовольства англійской прессой къ тому, что онъ сдѣлалъ бы, если бы унаслѣдовалъ англійскій тронъ...

Но лейтмотивомъ всѣхъ его рѣчей являлось неизмѣнное «я». О чемъ бы онъ ни говорилъ,—выступало немедленно: «я сдѣлалъ бы такъ!» или «тогда вмѣшался я и поправилъ дѣло», или горькое: «къ несчастью, меня не спросили!......»

Иногда онъ неожиданно обрывалъ начатую фразу для того, чтобы спросить «любятъ ли его англичане?» или «освѣдомлены ли они были объ его роли въ такомъ-то вопросѣ», а закончилъ онъ свою аудіенцію

безпокойнымъ вопросомъ: «убѣдилъ ли онъ Уайта, и будетъ ли журналистъ съ удовольствіемъ вспоминать объ этой встрѣчѣ?»

Уайтъ говорилъ, что разговоръ съ Вильгельмомъ II далъ ему тягостное впечатлѣніе бесѣды съ неврастеникомъ и, повидимому, даже съ маніакомъ. Онъ вынесъ убѣжденіе, что за безпорядочными рѣчами Вильгельма II таится или крайняя нервность, или манія величія.

Если журналистъ составилъ себѣ личное представленіе **о** характерѣ Вильгельма II, то психіатръ, опираясь на научныя данныя, можетъ дать болѣе точную и ясную картину интелекта германскаго императора.

Въ данныхъ недостатка нѣтъ! Вильгельмъ II самъ постарался, разумѣется, непроизвольно,—освѣтить свою личность своими поступками и рѣчами.

Вотъ что говоритъ психіатръ о германскомъ императорѣ.

Уже однимъ наружнымъ видомъ Вильгельмъ II являетъ нѣкоторые признаки вырожденія: *парализованная съ дѣтства лѣвая рука*, безпокойный и подозрительный взглядъ изподлобья на самыхъ близкихъ людей, нервная поступь, *болѣзнь уха* какъ слѣдствіе хроническаго воспаленія, не могущаго не отразиться на отправленіяхъ умственныхъ и волевыхъ центровъ,—все это характерные признаки для опытнаго глаза психіатра.

По характеру своему германскій императоръ также можетъ быть отнесенъ къ разряду дегенератовъ. Безпокойный, чрезвычайно нервный, подозрительный, минутами бѣшеный въ гнѣвѣ, минутами шаловливый и шумный какъ юноша,—онъ является тягостнымъ собесѣдникомъ для окружающихъ.

Есть указанія на то, что Вильгельмъ II страдаетъ

припадками *падучей*. Одинъ припадокъ произошелъ въ іюнѣ 1892 года во время посѣщенія императоромъ графа Дона въ Прекельвицѣ. Припадокъ этотъ былъ вызванъ сильнымъ испугомъ и нервнымъ потрясеніемъ, когда лошади понесли экипажъ, въ которомъ ѣхалъ съ вокзала императоръ.

Другой припадокъ былъ въ 1891 году въ Новомъ Дворцѣ. Тогда прислуга нашла его на полу кабинета и подняла страшный переполохъ. Упоминаютъ еще о другихъ припадкахъ въ Потсдамѣ, но только эти два имѣли большое число свидѣтелей: всѣ остальные остаются скрытыми отъ публики.

Въ школѣ Вильгельмъ II никогда не отличался выдающимися способностями. Лица, сталкивавшіяся съ нимъ въ школьный періодъ его жизни, говорятъ, что онъ никогда не любилъ чтенія и не могъ вести серьезной бесѣды.

Основной чертой характера Вильгельма II является чрезвычайный эгоизмъ, вокругъ котораго и группируются всѣ остальныя ненормальности его натуры: жестокость, самомнѣніе, тщеславіе и болѣзненная увѣренность въ своей геніальности.

Лица, близко знающія Вильгельма II, утверждаютъ, что онъ не можетъ поддерживать разговора ни о какомъ событіи, если только не онъ является центральной фигурой его.

Являясь очень жестокимъ по отношенію къ другимъ, Вильгельмъ II въ то же время совершенно не можетъ переносить какой-либо физической боли: даже у дантиста онъ проявляетъ такую нервность, что можетъ поспорить въ этомъ отношеніи съ любой истеричной дамой.

По мнѣнію психіатра, Вильгельмъ II страдаетъ рѣзко

выраженной маніей величія—мегаломаніей, не останавливающейся ни передъ какими жертвами, если только эти жертвы затрагиваютъ его личные интересы.

Вильгельмъ II самъ о себѣ.

Всѣ эти отзывы психіатра находятъ яркое и незыблемое подтвержденіе въ афоризмахъ и изреченіяхъ Вильгельма II. Пока эти афоризмы оставались только **словесными,**—ихъ считали за реторическіе образы, шутили, смѣялись добродушно надъ высокопарнымъ краснорѣчіемъ кайзера. Теперь же приходится серьезно вдуматься въ нихъ: слово стало дѣломъ; реторическіе образы окрасились потоками крови и стали угрозой всему культурному міру.

При отблескѣ пожаровъ мирныхъ городовъ, подъ неумолкаемый гулъ канонады, всѣ эти безобидныя,—какъ казалось прежде,—слова высокопарнаго оратора пріобрѣли совершенно новое значеніе.

Приведемъ болѣе характерные изъ афоризмовъ кайзера безъ всякихъ коментаріевъ: они сами достаточно краснорѣчиво говорятъ за себя, указывая каждой строкой на ненормальность лица, произносившаго ихъ:

«Я—орудіе Всевышняго. Я—Его мечъ, Его представитель на землѣ! Горе и смерть тѣмъ, кто возстанетъ противъ меня! Горе и смерть тѣмъ, кто не повѣритъ въ мое призваніе!

«Да погибнутъ всѣ враги германцевъ! Богъ, говорящій моими устами, ихъ погибель!»

Вотъ нѣсколько афоризмовъ Вильгельма II о мирѣ:

«Я хочу, чтобы европейскій миръ былъ въ моихъ рукахъ. Тогда онъ не будетъ никогда нарушенъ.

«Пока я у власти—Европѣ нечего бояться нарушенія мира, онъ покоится на прочномъ основаніи».

О своей роли въ странѣ:

«Есть одинъ законъ—мой законъ.

«У солдата не должно быть своей воли, моя воля—законъ. Если я прикажу вамъ застрѣлить вашихъ отца, мать, братьевъ и сестеръ, вы должны повиноваться мнѣ».

Только теперь міръ понялъ, что за витіеватыми словами царственнаго оратора скрывалось безуміе, и только теперь психіатры всего міра заговорили о томъ, что подобныя рѣчи можно услышать изъ устъ ихъ пансіонеровъ, одержимыхъ маніей величія, томящихся въ четырехъ стѣнахъ убѣжищъ для умалишенныхъ, въ то время, какъ вѣнценосный безумецъ, пользуясь свободой, залилъ всю Европу потоками крови.

Наслѣдственность въ семьѣ Гогенцоллерновъ.

Наука говоритъ намъ о томъ, что безуміе является самымъ жестокимъ бичомъ наслѣдственности, передаваясь иногда черезъ нѣсколько поколѣній и не оставляя уже семьи, въ которую оно заглянуло хотя бы однажды, а исторія даетъ намъ правдивыя свѣдѣнія о безуміи, какъ наслѣдственной болѣзни въ семьѣ Гогенцоллерновъ.

Взгляните на генеалогическую таблицу Гогенцоллерновъ.

Безумные предки и потомки Вильгельма II.

Альбрехтъ-Фридрихъ Гогенцоллернъ.
1568—1618. (Безуміе).

Фридрихъ-Вильгельмъ I. 1713—1740.
(Безуміе).

Фридрихъ-Вильгельмъ II.
1786—1797.
(Дегенератъ—садизмъ и жестокость).

Фридрихъ-Вильгельмъ III.
1797—1840.
(Слабоуміе).

Фридрихъ-Вильгельмъ I.
1840—1861.
(Бездѣтный, маніакъ).

Вильгельмъ II.
(Истерикъ, манія величія,
падучая).

Кронпринцъ Фридрихъ.
(Рѣзко выраженное
вырожденіе).

Юность Вильгельма.

Интересную книгу, посвященную исторіи воспитанія молодыхъ Гогенцоллерновъ,—въ частности, Вильгельмъ II,—написалъ англичанинъ Гарольдъ Фрэдрикъ, отмѣтившій нѣсколько наиболѣе характерныхъ чертъ, присущихъ молодому принцу.

Мать Вильгельма II, англичанка по происхожденію, была, какъ извѣстно, ненавидима германскимъ дворомъ и жестоко преслѣдуема «желѣзнымъ канцлеромъ», Бисмаркомъ, не пропускавшимъ случая возстановить противъ нея престарѣлаго Вильгельма I.

Положеніе молодой принцессы, супруги Фридриха, было не изъ завидныхъ. Свою единственную радость она видѣла въ своихъ дѣтяхъ, въ особенности, въ старшемъ сынѣ, Вильгельмѣ,—нынѣ германскомъ императорѣ, котораго она твердо рѣшила спасти отъ тлетворнаго вліянія прусскаго режима и сдѣлать изъ него принца-рыцаря, принца-джентльмена.

Она зорко слѣдила за его первоначальнымъ воспитаніемъ, и когда онъ достигъ 10-лѣтняго возраста настояла на томъ, чтобы онъ посѣщалъ общественное училище, какъ сынъ простого буржуа.

Въ этомъ принцесса слѣдовала англійской системѣ воспитанія принцевъ.

Принцъ Вильгельмъ былъ отправленъ въ Кассель и помѣщенъ въ мѣстную гимназію.

Учился онъ довольно плохо, товарищи сохранили о немъ воспоминаніе, какъ объ очень «неповоротливомъ мальчикѣ, который былъ хуже всѣхъ одѣтъ».

Берлинскій дворъ преслѣдуя принципы экономіи и бережливости, вводилъ въ систему, чтобы юные прин-

цы снашивали свое платье до послѣдней степени и не пріучались къ франтовству.

Пройдя трехгодичный курсъ въ гимназіи, принцъ Вильгельмъ поступилъ въ Боннскій университетъ, откуда онъ изрѣдка наѣзжалъ въ Берлинъ.

Послѣ перваго же его визита, его мать пришла въ смятеніе: она не могла не замѣтить, что несмотря на всѣ ея старанія прусское вліяніе восторжествовало.

Ея сынъ былъ типичный Гогенцоллернъ; рѣзкій, надменный, тщеславный, эгоистичный.

Въ его холодной почтительности къ родителямъ не было ни капли нѣжности.

Его поступками руководилъ только расчетъ.

Онъ скоро замѣтилъ, что гораздо выгоднѣе быть въ дружбѣ съ партіей придворныхъ любимцевъ и, не колеблясь перешелъ на сторону враговъ и преслѣдователей своей матери. Онъ, не стѣсняясь называлъ своего отца «безсильнымъ мечтателемъ», и заявилъ, что такимъ мечтателямъ не мѣсто на престолѣ.

Пользуясь тѣмъ, что его родители находились въ опалѣ, онъ самъ поспѣшилъ занять мѣсто своего отца и еженедѣльно отправлялся къ императору «брать уроки управленія государствомъ».

Въ то же время Бисмаркъ давалъ ему уроки политики и «твердой воли».

«Дурной сынъ»,—эта кличка прочно утвердилась за Вильгельмомъ въ Европѣ и создала ему во всѣхъ странахъ свѣта нелестную репутацію.

Вильгельмъ II въ интимной жизни.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что среди всѣхъ книгъ о Вильгелмѣ II, написанныхъ даже еще до войны, нельзя найти ни одной, въ которой заключалось бы восхищенiе или преклоненiе предъ императоромъ, какъ человѣкомъ.

Одни откровенно бранятъ и критикуютъ его, другiе дали сдержанную оцѣнку его личности, но нѣтъ-нѣтъ, да проскользнетъ какая-либо черточка или анекдотъ, рѣзко подчеркивающiе отрицательное отношенiе автора къ Вильгельму II.

Всѣ писавшiе и говорившiе о немъ сходятся въ одномъ, что характеръ его рѣзко измѣнился къ худшему въ возрастѣ 24—25 лѣтъ. Правда, и въ юности онъ отличался нѣкоторой необузданностью, большимъ самомнѣнiемъ, рѣзкостью и властолюбiемъ, но всѣ эти черты смѣнились юношеской живостью, впечатлительностью и общительностью характера. Старые товарищи императора по университету говорятъ, что еще въ первые годы царствованiя Вильгельмъ II былъ милъ и любезенъ въ интимной обстановкѣ товарищеской бесѣды. Онъ держалъ себя просто, отбросивъ всѣ правила этикета, курилъ, развалясь на низкомъ креслѣ, и громко хохоталъ надъ шутками собесѣдниковъ.

Но эти моменты становились все рѣже, и уже къ 30 годамъ императоръ сталъ тѣмъ, что онъ есть въ настоящее время: монархомъ съ тяжелымъ и неуживчивымъ характеромъ, присутствiе котораго терроризируетъ, а шумныя и безтактныя выходки дѣйствуютъ на нервы.

Въ этомъ крутомъ переломѣ характера Вильгельма

II сыграли значительную роль Бисмаркъ и королева Августа. Супруга императора не пользуется никакой популярностью въ Германіи: это характерная буржуазка, ханжа, скучная и ограниченная женщина.

Несмотря на рѣзко опредѣленные взгляды на женщинъ Вильгельма II, отводящаго имъ узкую область трехъ K: «Kinder, Küche und Kirche»,—она сумѣла найти слабыя струны своего супруга и великолѣпно умѣетъ играть на нихъ, вооружая его противъ всего, что кажется ей неприличнымъ и неудобнымъ.

Ставъ супругой Вильгельма, она начала передѣлывать его на свой ладъ, возставая противъ старыхъ собутыльниковъ принца, утверждая, что они развращаютъ его. Умѣлыми разговорами она вызвала въ мужѣ вражду къ родителямъ, главнымъ образомъ, къ отцу, внушивъ ему, что грѣхами молодости этого послѣдняго объясняется и рахитизмъ Вильгельма.

Ловкій и хитрый Бисмаркъ использовалъ эту ненависть, ибо самъ издавна ненавидѣлъ супругу Фридриха за ея «англійскія идеи» и сумѣлъ окончательно возстановить кайзера противъ императора и императрицы.

Въ мемуарахъ, описывающихъ ту эпоху, мы находимъ ясныя указанія на то, какъ лихорадочно и напряженно слѣдитъ Вильгельмъ за ходомъ болѣзни своего отца, какъ онъ считалъ минуты до часа его кончины!

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни императора Фридриха, поведеніе наслѣднаго принца кайзера стало совсѣмъ некорректнымъ. Онъ сердилъ своего отца безконечными спорами, приставилъ къ нему шпіоновъ, съ цѣлью узнать, гдѣ хранится дневникъ императора.

Этотъ пресловутый дневникъ сталъ за послѣднія не-

дѣли агоніи императора настоящимъ кошмаромъ для Вильгельма. Онъ опасался, что тамъ окажутся какія-либо опасныя для него посмертныя распоряженія.

Однако, дневникъ ускользнулъ отъ рукъ шпіоновъ: императрица передала его еще до смерти мужа на храненіе роднымъ въ Англіи. И вотъ у постели скончавшагося императора разыгралась кошмарная и безобразная сцена.

Вильгельмъ съ криками и бранью требовалъ отъ матери дать ему дневникъ. Когда она категорически отказала ему въ этомъ, онъ рѣшилъ ее подвергнуть аресту. Подобный поступокъ въ день смерти отца является лучшимъ доказательствомъ ненормальности Вильгельма II.

Бисмаркъ учелъ всю опасность положенія и уговорилъ новаго императора замѣнить арестъ лишеніемъ цивильнаго листа.

— Это сдѣлаетъ меньше шума, — цинично заявилъ онъ,—и окажется болѣе дѣйствительнымъ!

Вдовствующая императрица выдержала характеръ въ теченіе полугода, а затѣмъ смирилась и вручила дневникъ сыну.

Въ мемуарахъ миссъ Тофанъ есть любопытныя свѣдѣнія о томъ, насколько тяжелымъ человѣкомъ является Вильгельмъ II въ семейной жизни.

Онъ деспотиченъ и упрямъ, рѣзокъ и грубъ, и только такая супруга, какъ королева Августа, можетъ мириться съ гнетомъ подобной семейной обстановки.

«При семейныхъ сценахъ, — отмѣчаетъ миссъ Тофанъ,—императрица молчитъ сначала, а затѣмъ, выйдя изъ терпѣнія, начинаетъ допекать своего супруга язвительными намеками на его исторію съ родителями, и уходитъ, хлопнувъ дверью.

Подобныя сцены при посторонних свидѣтеляхъ указываютъ на большую несдержанность, недопустимую обыкновенно въ томъ кругу, къ которому принадлежитъ Вильгельмъ II, и гдѣ самообладанie прививается съ дѣтства.

Придя въ бѣшенство, императоръ совершенно не владѣетъ собой и его крики разносятся далеко по притихшему дворцу.

Въ своихъ отношенiяхъ къ дѣтямъ Вильгельмъ проявляетъ ту же неровность характера: онъ то нѣженъ съ ними, то деспотично грубъ, и всегда очень скупъ для близкихъ.

Еще любопытная подробность характера Вильгельма: онъ чувствуетъ къ цвѣтамъ какое-то непонятное и непреодолимое отвращенiе. Каждую весну императрицѣ приходится выдерживать борьбу, защищая свои клумбы въ Потсдамскомъ паркѣ. Въ одной интимной бесѣдѣ императоръ заявилъ, что считаетъ цвѣты неэстетичными, и что они оскорбляютъ его вкусъ!

Лица, близкiя къ императору, говорятъ, что за послѣднее десятилѣтiе у него появились тревожные наружные симптомы увеличивающейся нервности. На его лицѣ показывается временами что-то въ родѣ нервнаго тика,—не то гримаса, не то болѣзненное подергиванiе. Разговаривая, онъ дѣлаетъ правой рукой какое-то судорожное движенiе и при этомъ какъ-то особенно прищелкиваетъ пальцами. Это движенiе у него, видимо, совершено непроизвольно. Даже смѣхъ его сталъ другимъ. Прежде онъ смѣялся откровенно и громко, а теперь въ смѣхѣ звучатъ неискреннiя, глухiя, немного истерическiя нотки, и это очень стѣсняетъ собесѣдниковъ Вильгельма.

Вильгельмъ II и женщины.

Въ отношеніяхъ Вильгельма II къ женщинамъ нѣтъ и тѣни того рыцарства, которое проявляло германское дворянство въ старыя времена. Знаменитыя «Три К» императора ясно говорятъ о томъ, что онъ признаетъ женщину только какъ хорошую хозяйку, заботящуюся объ удобствахъ мужа, какъ мать, производительницу новаго поколѣнія солдатъ. Для развлеченія женщинѣ предоставляетъ право посѣщать церкви, гдѣ она могла бы почерпать истины для поддержанія ея на пути, указанномъ кайзеромъ.

Но тамъ, гдѣ нѣтъ уваженія къ женщинѣ, мы замѣчаемъ обыкновенно быстрый упадокъ нравовъ.

И вотъ, при дворѣ и во всѣхъ германскихъ кругахъ царитъ тяжелая мертвенно-холодная скука, а въ то же время нигдѣ подпольный развратъ и крайняя распущенность нравовъ не свили себѣ такого прочнаго гнѣзда, какъ въ Германіи.

* * *

Присматриваясь ближе къ поступкамъ и рѣчамъ Вильгельма, опираясь на его генеалогію, можно придти къ убѣжденію, что если императоръ Германіи не безумецъ, то весьма неуравновѣшенный морально и умственно человѣкъ. А наука говоритъ намъ, что подобная неуравновѣшенность часто грозитъ перейти въ настоящее безуміе при первомъ же толчкѣ, сильномъ потрясеніи или ударѣ.

Странности Вильгельма.

Изъ Бордо телеграфируютъ: по полученнымъ здѣсь свѣдѣніямъ, германскій аэропланъ, поднявшись надъ Нанси, бросалъ бомбы пытаясь попасть въ знаменитый соборъ. Вильгельмъ II, присутствовалъ лично при этомъ варварскомъ покушеніи, которое не удалось. Оттуда же сообщаютъ о другомъ фактѣ, характерномъ для поисковъ за эфектами германскаго императора. Вильгельмъ II, въ ясную лунную ночь произнесъ своимъ войскамъ рѣчь, которая сопровождалась непрерывнымъ шумомъ пушечной канонады.

Изъ исторіи Гогенцоллерновъ.

Опубликованные въ «Оранжевой книгѣ» документы съ очевидностью доказали двуличіе и лживость нѣмецкой политики и недобросовѣстность Гогенцоллерновъ, извѣстную, впрочемъ, изъ исторіи дома послѣднихъ.

Гогенцоллерны никогда не останавливались передъ «нажимомъ» на право и правду, когда это было въ ихъ интересахъ, ни передъ предосудительными актами даже по отношенію къ своимъ ближнимъ, если это имъ приходилось просто по вкусу.

Съ этой точки зрѣнія, очень интересенъ неизвѣстный читающей публикѣ случай, имѣвшій мѣсто въ семьѣ Гогенцоллерновъ въ концѣ XVIII в.

Это было въ 1768 г. Фридриху II (Великому) было 56 лѣтъ. Онъ никогда не былъ мужемъ королевы Ели-

заветы-Христины, на которой его отецъ насильно заставилъ его жениться.

Отношенія супруговъ были совершенно необычны, такъ какъ въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ съ нею ни разу не говорилъ. Когда ему надо было передать ей что-нибудь, онъ это дѣлалъ письменно.

Опубликованные нѣсколько лѣтъ тому назадъ его племянницею, принцессою Луизой Прусскою, мемуары, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей объ отношеніяхъ короля и королевы.

Описывая одинъ придворный обѣдъ, принцесса Луиза разсказываетъ:

— Въ ожиданіи появленія короля въ кабинетѣ королевы, послѣдняя стояла, опершись на комодъ, такъ какъ боль въ ногѣ не позволяла ей ни стоять прямо, ни ходить.

— Король показался въ дверяхъ и, остановившись, тутъ же заговорилъ съ г-жею фонъ-Кауненбергъ, статсъ-дамой королевы. Онъ громко спросилъ ее о здоровьѣ королевы, затѣмъ попросилъ послѣднюю сѣсть, но королева не сѣла. Король прошелъ мимо, поклонившись ей.

— Поговоривъ съ нами, король сталъ у дверей столовой. Королева, принцессы и придворныя дамы продефилировали передъ нимъ.

Эта сцена ярко рисуетъ отношенія, существующія между Фридрихомъ II и навязанною ему супругою. Его наслѣдникъ и племянникъ Фридрихъ-Вильгельмъ, сынъ его младшаго брата Августа-Вильгельма, имѣлъ только одну дочь, жилъ отдѣльно отъ своей жены, урожденной Елизаветы Швейгъ-Вольфенбуттельской и затѣмъ развелся съ нею. Его братъ, принцъ Генрихъ Прусскій, не имѣлъ вовсе дѣтей отъ брака съ прин-

цессою Вильгельминой Гессенъ-Кассельской. Наконецъ, принцъ Фердинандъ второй, дядя короля, братъ Фридрихъ II, женатый на принцессѣ Брунденбургъ-Шведской, имѣлъ только одну дочь, умершую одиннадцати лѣтъ отъ рожденія, въ 1772 г.

При такихъ обстоятельствахъ Фридрихъ Великій началъ не на шутку безпокоиться о возможности перерыва престолонаслѣдія въ его домѣ. Онъ былъ увѣренъ, что его братъ уже больше дѣтей не будетъ имѣть, и посовѣтовалъ его женѣ, своей невѣсткѣ, внять мольбамъ влюбленнаго въ нее молодого майора фонъ-Шметтау...

Принцесса сначала не была расположена слѣдовать совѣтамъ короля, и поэтому придумали, по иниціативѣ короля, ни за что не желавшаго, чтобы королевскую корону когда-либо носили его дальніе родственники, которыхъ онъ не выносилъ, слѣдующую комедію:

Жена принца Фердинанда была объявлена беременной; затѣмъ объявили всенародно, что она родила мальчика: на самомъ же дѣлѣ, ей въ домъ принесли мальчика изъ простой семьи ремесленника.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Принцесса въ концѣ-концовъ оказалась болѣе благосклонной къ чувствамъ и предпріимчивости майора фонъ-Шметтау и отъ него родила 24 мая 1770 г. принцессу Луизу Прусскую, а затѣмъ и двухъ принцевъ: Фридриха-Христіана и Людвига, убитаго впослѣдствіи при Саальрельдѣ.

Кромѣ того, племянникъ и наслѣдникъ короля, послѣ развода съ Брауншвейгской принцессою, женился на принцессѣ Гессенской, отъ которой имѣлъ сына Фридриха-Вильгельма (впослѣдствіи короля Фридриха-Вильгельма Ш).

Такимъ образомъ, престолонаслѣдіе было вполнѣ

обезпечено. Но въ королевской семьѣ оказался чужой ребенокъ, упомянутый выше сынъ ремесленника, отъ котораго надо было отдѣлаться съ такой же безцеремонностью, съ какой его ввели въ королевскую семью. Инсценировали новую комедію: распустивъ слухъ, что ребенокъ неожиданно умеръ, устроили ему пышныя похороны въ королевскомъ домѣ, въ склепъ котораго поставили пустой гробъ, а живого ребенка также таинственно отослали обратно, какъ и привезли.

Этотъ эпизодъ изъ истори дома Гогенцоллерновъ мало извѣстенъ, но принцесса Луиза его подробно разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ. Однако, при напечатаніи мемуаровъ принцессы Луизы, глава о взятомъ на прокатъ и отданномъ потомъ ребенкѣ, была изъята изъ книги, во избѣжаніе непріятныхъ для императорскаго дома послѣдствій отъ такого разоблаченія.

А, между тѣмъ, этотъ инцидентъ является яркой иллюстраціей той безцеремонности, какою всегда отличались Гогенцоллерны, не останавливавшіеся ни передъ чѣмъ, когда рѣчь идетъ о нарушеніи правъ тѣхъ, кого они рѣшили обобрать или, попросту, ограбить.

Эпизодъ изъ исторіи Гогенцоллерновъ.

Вильгельмъ П, повидимому, задался цѣлью своимъ поведеніемъ грубо порвать всѣ связи, которыя его соединился съ нашимъ Царствующимъ Домомъ. Забывъ послѣднія предсмертныя, сказанныя ему его дѣдомъ слова о томъ, чтобы онъ всегда оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ царемъ, гер-

манскій императоръ, наоборотъ, точно нарочно, вытравляетъ изъ памяти своего народа все то долгое прошлое, которое связывало оба народа и обѣ династіи Романовыхъ и Гогенцоллерновъ. А между тѣмъ, послѣдніе, менѣе, чѣмъ кто-либо, должны забыть все сдѣланное для нихъ Россіей, Вильгельмъ II долженъ былъ бы помнить всѣ благодѣянія, оказанныя его ближайшимъ предкамъ русскими царями, особенно Александромъ I, королю Вильгельму III и королевѣ Луизѣ. Когда эти послѣдніе были изгнаны Наполеономъ изъ Берлина, оставленные и оскорбленные всѣми, и должны были спасаться бѣгствомъ сначала въ Мемель, а затѣмъ и въ Кенигсбергъ, императоръ Александръ I, желая облегчить участь королевской четы и изгладить изъ памяти несчастной королевы обиду, нанесенную ей злымъ рокомъ, пригласилъ ее и короля отдохнуть отъ всѣхъ пережитыхъ страданій въ Петербургѣ, гдѣ онъ и принялъ прусскую королевскую чету съ необыкновенной помпой и блескомъ. Статсъ-дама королевы Луизы, графиня Фоссъ, оставила воспоминанія объ этомъ замѣчательномъ пребываніи въ Петербургѣ Вильгельма III и королевы Луизы. Воспоминанія графини Фоссъ не были опубликованы, а только напечатаны въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, которые императрица Викторія, мать Вильгельма II, раздала нѣкоторымъ своимъ ближайшимъ друзьямъ.

Это очень любопытная хроника о жизни при прусскомъ дворѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Мы извлекаемъ изъ нея слѣдующія мѣста, относящіяся къ путешествію прусскаго короля и королевы въ Россію въ началѣ 1809 г. и показывающія, какъ нашъ дворъ понималъ и осуществлялъ гостепріимство по отношенію къ низложеннымъ королю и королевѣ. Никто въ

Европѣ, кромѣ Александра I, не осмѣлился выказать имъ какое бы то ни было вниманіе изъ опасенія оскорбить этимъ Наполеона I, который объявилъ ихъ внѣ закона. Вотъ, что пишетъ графиня Фоссъ:

«Мы поселились въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ насъ встрѣтилъ весь Дворъ. Обѣ императрицы ждали короля и королеву въ первой прихожей. Молодая императрица сіяетъ красотою, а императрица-мать еще очень сохранилась для своего возраста. Императоръ лично представилъ королевѣ трехъ великихъ княженъ, чрезвычайно миловидныхъ. Въ тотъ же вечеръ былъ спектакль въ Эрмитажѣ. Обѣдъ имѣлъ мѣсто въ 5 часовъ, и къ императорскому столу никто не былъ приглашенъ».

Далѣе слѣдуетъ описаніе многочисленныхъ придворныхъ торжествъ и необыкновенно ласковаго, предупредительнаго отношенія русскаго Двора къ нѣмецкимъ изгнанникамъ.

Наконецъ, послѣ трехъ недѣль, проведенныхъ среди постоянныхъ праздниковъ, посреди роскоши, подобія которой и не знаютъ въ Германіи, пришлось все-таки распроститься съ этой императорской фамиліей, по отношенію къ которой наша королевская, какъ мнѣ говорила королева, оказалась столь обязанной.

Насъ задарили подарками, и королева увозила съ собой два воза, наполненныхъ всякимъ добромъ и всякаго рода великолѣпными вещами, даже мебелью, данныхъ намъ чтобъ замѣнить то, что Наполеонъ вывезъ изъ Берлина.

31 января мы двинулись въ путь, распростившись съ этимъ чуднымъ мѣстомъ, гдѣ мы провели незабвенные дни. Мы много плакали и въ 10 часовъ утра двинулись въ путь въ парадныхъ придворныхъ каретахъ съ значительнымъ экскортомъ. Королева, императрица,

Король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III,—прадѣдъ Вильгельма II,—на колѣняхъ благодаритъ Москву за спасеніе трона.

Баденская принцесса и я—мы сѣли въ первую карету и проѣхали до городскихъ воротъ, гдѣ и простились. Въ Стрѣльнѣ насъ ждала императрица-мать съ великими княжнами, а позже прибылъ императоръ съ императрицею. Мы ночь провели въ Стрѣльнѣ и всю ночь съ королевой проплакали: такъ намъ было тяжело разставаться съ ставшими намъ дорогими лицами, которыхъ мы пріучились за это время не только любить, но и уважать. Никогда, никогда мы не забудемъ Петербурга, ни оказаннаго намъ пріема въ немъ, ни того, какъ мы въ немъ были счастливы. Впослѣдствіе королева мнѣ говорила, что она возстанетъ изъ гроба, если узнаетъ послѣ смерти, что кто-либо изъ ея потомковъ могъ когда-либо забыть все, чѣмъ она и король обязаны императору Александру и Россіи, и что ея семья и ихъ страна въ неоплатномъ долгу передъ Россіею. Бѣдная королева имѣла въ виду тѣ три недѣли, которыя она провела въ Россіи, и о которыхъ она говорила еще передъ своей смертью въ Гогенцирицѣ, увѣряя, что путешествіе въ Россію было ея послѣдней радостью въ этомъ мірѣ и что она благодаритъ Бога за то, что Онъ ей доставилъ это счастье. Она говорила, что умираетъ спокойно съ увѣренностью, что покровительство императора Александра не оставитъ и впредь ея дѣтей».

Очень поучительно читать сейчасъ эти воспоминанія, написанныя вѣрнымъ другомъ королевы Луизы Прусской, именно сейчасъ, когда правнукъ этой монархини, поправъ всѣ традиціи своей фамиліи, и забывъ, чѣмъ послѣдняя обязана нашей династіи, бросилъ вызовъ Россіи—вызовъ, который останется самымъ яркимъ образцомъ этой неблагодарности, какой исторія только запомнитъ.

Изъ жизни Вильгельма II.

Чрезвычайно характерны факты изъ жизни Вильгельма II.

Лѣтомъ 1889 года, Вильгельмъ II, только что вступившій на престолъ, пріѣхалъ въ Петергофъ. Онъ тогда не говорилъ рѣчей, не переодѣвался пасторомъ, не сочинялъ музыкальныхъ пьесъ; онъ былъ молодымъ человѣкомъ, который, неожиданно сдѣлавшись императоромъ, не успѣлъ еще опомниться отъ выпавшей на его долю колоссальной власти. Онъ тогда только воспринималъ сладость могущества. На его лицѣ все время сіяла счастливая улыбка, и когда въ Петербургѣ онъ проходилъ мимо почетнаго караула, здороваясь съ нимъ по-русски, вся его фигура радостно говорила:

— Посмотрите на меня: я—не кронпринцъ, а императоръ.

Именно тутъ, въ Петергофѣ, окруженный спокойнымъ величіемъ, которое царило вокругъ покойнаго государя Александра III, онъ чувствовалъ свое императорство. Потому что тамъ, въ Берлинѣ, сидѣлъ князь Бисмаркъ, желѣзный канцлеръ, который давилъ его своимъ авторитетомъ, своимъ огромнымъ умомъ и, главное, своей популярностью создателя Германской имперіи.

Вильгельмъ II, былъ обласканъ покойнымъ государемъ, но рядомъ съ Александромъ III, онъ казался мальчикомъ, котораго въ первый разъ посадили за одинъ столъ вмѣстѣ съ «большими». Онъ суетился, принималъ позы, точно боялся, что его не примутъ въ серьезъ.

Тогда много разсказывали о его «gaffes». Одна изъ

нихъ особенно характерна. Вильгельмъ II получилъ телеграмму о томъ, что въ какомъ-то полку въ Восточной Пруссіи произошелъ бунтъ. Немедленно онъ телеграфировалъ:

— Разстрѣлять десятаго.

Ему отвѣтилъ—князь Бисмаркъ:

— Такого нѣтъ закона.

Второй его «gaffes» была исторія съ Выборгскимъ полкомъ, котораго онъ былъ шефомъ. Случилась эта исторія подъ Чирковицами, большомъ селѣ по Нарвскому шоссе, неподалеку отъ Ямбурга, гдѣ закончились большіе нарвско-красносельскіе маневры. Во время послѣдней атаки Вильгельмъ II, сталъ во главѣ своего полка и приступомъ взялъ какую-то высоту. Полкъ удостоился Высочайшей похвалы. Когда былъ данъ отбой, Вильгельмъ подозвалъ командира—покойнаго ген. Церпицкаго и сказалъ ему:

— Я очень доволенъ полкомъ и горжусь, что состою его шефомъ. Я буду ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о томъ, чтобы онъ получилъ отличіе.

— Полкъ уже имѣетъ отличіе, — отвѣчалъ Церпицкій.

— Да. Я знаю: серебряныя трубы. За что?

— За взятіе Берлина,—отрапортовалъ Церпицкій.

— Надѣюсь, это не повторится,—замѣтилъ со смущеніемъ Вильгельмъ.

Церпицкій промолчалъ. Но десять лѣтъ спустя онъ разсказывалъ, что императоръ, узнавъ о пребываніи Церпицкаго въ Берлинѣ, пригласилъ его къ завтраку и напомнилъ ему о серебряныхъ трубахъ.

— Надѣюсь, — сказалъ онъ генералу, — что мой полкъ получитъ отъ своего шефа золотыя трубы за

сраженіе не противъ моихъ войскъ, а съ моими войсками и подъ моей командой.

Предсказаніе Вильгельма II не оправдалось, и «его» полку быть можетъ суждено снова войти съ пѣснями и развернутыми знаменами на Unter den Linden...

Вильгельмъ II—коммерсантъ.

Какъ извѣстно, Вильгельмъ занимался не только государственными дѣлами, а и коммерческими, и послѣдними гораздо удачнѣе, чѣмъ первыми.

Онъ владѣетъ нѣсколькими фабриками и заводами, состоитъ пайщикомъ чуть ли не во всѣхъ крупныхъ германскихъ предпріятіяхъ, начиная съ крупповскихъ заводовъ и грандіознаго пароходнаго общества гамбургско-американской линіи и, кончая акціонернымъ товариществомъ по добычѣ марганцевой руды, у насъ, на Кавказѣ.

Усиленно игралъ Вильгельмъ и на биржѣ, что при его положеніи давало ему возможность безпроигрышно выигрывать, обирая своихъ довѣрчивыхъ подданныхъ.

Всѣ эти коммерческія обороты, давали Вильгельму огромную прибыль и за время своего царствованія онъ сумѣлъ пріумножить свое состояніе, чуть ли не въ нѣсколько разъ.

Удивляться этимъ коммерческимъ «способностямъ» Вильгельма нечего, такъ какъ онѣ, очевидно, достались ему въ силу родовой наслѣдственности.

Родъ Гогенцоллерновъ «коммерческаго характера», его основатели были купцами.

Гогенцоллерны подымались со ступеньки на ступеньку, благодаря заслугамъ коммерческимъ.

Органъ высшихъ финансовыхъ сферъ сообщаетъ, что—Вильгельмъ II, помѣстилъ нѣсколько милліоновъ рублей въ американскіе банки и всевозможныя фирмы, а также купилъ въ Канадѣ огромное пространство земли. Въ случаѣ отказа отъ престола, Вильгельмъ Гогенцоллернъ отправится въ Америку и устроится на жительство на 5 Авеню въ Нью-Іоркѣ. Пока же Вильгельмъ покровительствуетъ наложенію огромной контрибуціи на французскіе и бельгійскіе города, причемъ четвертую часть беретъ себѣ.

Религія и суевѣрія Вильгельма II.

Какова религія Вильгельма II и есть ли у него вообще какая-либо религія, кромѣ ревностнаго поклоненія своему «я»?

Вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ тысячи людей, вспоминая съ негодованіемъ оскверненіе святынь, разрушеніе Реймскаго собора и избіенія въ Лувенѣ!

Вильгельмъ II,—протестантъ въ силу германской конституціи; но это не мѣшало ему быть ярымъ католикомъ при посѣщеніи Польши и фанатичнымъ мусульманиномъ въ Дамаскѣ, когда онъ всенародно объявилъ, что жаждетъ раздѣлить съ султаномъ его духовную власть надъ исламомъ.

Въ 1903 году Вильгельмъ II выступилъ съ своею «Исповѣдью» въ письмѣ къ адмиралу Гольману. Эта «Исповѣдь»—его «Вѣрую»—была тогда напечатана въ «Crenzboten,ѣ»,—одномъ саксонскомъ ежемѣсячникѣ.

Въ ней Вильгельмъ заявилъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Богъ призвалъ его и избралъ его для того, чтобы вѣщать на землѣ Свою волю! Это-ли не mania grandiosa во всемъ ея величіи!

Но, на ряду со столь высокимъ мнѣніемъ о себѣ и о своемъ призваніи Вильгельмъ II суевѣренъ какъ дитя. Въ воспоминаніяхъ миссъ Анны Тофанъ, воспитательницы и гувернантки единственной дочери императора Викторіи, мы находимъ очень много указаній на суевѣрія Вильгельма II.

Онъ избѣгаетъ начинать что-либо 13 числа, недовольно хмурится, если кто-либо за столомъ кладетъ разсѣянно накрестъ ножъ и вилку, продолжительно обсуждаетъ видѣнные имъ сны и ни за что не пройдетъ ночью одинъ по пустынным залам новаго берлинскаго дворца изъ боязни увидѣть здѣсь тѣнь «Бѣлой дамы».

О всѣхъ предсказаніяхъ, касающихся судьбы Гогенцоллерновъ, Вильгельмъ II не любитъ говорить и не переноситъ даже, когда окружающіе говорятъ объ этомъ. Слѣдуетъ отмѣтить. что этой странной тревоги онъ не испытывалъ въ началѣ своего царствованія.

Графиня L...sch, одна изъ статсъ-дамъ императрицы, разсказываетъ слѣдующій фактъ, случившійся въ іюнѣ 1890 года.

Графиня и императрица бесѣдовали въ будуарѣ о разныхъ предсказаніяхъ. Неожиданно на порогѣ появился Вильгельмъ.

Въ будуарѣ сразу воцарилось гробовое молчаніе.

— О чемъ вы говорили?—спросилъ императоръ со своей обычной рѣзкостью.

Императрица поблѣднѣла, но Вильгельмъ продолжалъ:

— Если вы говорили о модахъ, то не замолчали бы, видя меня, а если дѣло шло о серьезныхъ вопросахъ, то я хочу знать, въ чемъ дѣло.

Императрица промолвила смущенно:

— Ни о томъ, ни о другомъ. Графиня и я—мы болтаемъ о разныхъ старинныхъ предсказаніяхъ.

— А,—протянулъ недовольно императоръ,—о концѣ Имперіи? Ну, такъ это еще не такъ скоро случится! Нечего говорить о такихъ глупостяхъ!

Лица, близко знающія Вильгельма II, говорятъ, что въ немъ религія и суевѣріе такъ близко соприкасаются, что трудно опредѣлить, гдѣ начинается одно и кончается другое.

Вильгельмъ II и графологія.

Психо-графологія, какъ наука о письмѣ, съ помощью которой возможно узнать характеръ человѣка по его почерку, насчитываетъ не болѣе 100 лѣтъ, хотя отдѣльные признаки ея были еще извѣстны древнимъ. Отцомъ ея слѣдуетъ считать аббата Мишона (XIX в.), который внесъ извѣстную систематизацію въ графологическіе признаки.

Въ спискахъ графологовъ насчитываются такіе почетныя имена, какъ Лафатеръ, Шекспиръ, Гете, Дюма—сынъ, Ж. Зандъ и мн. др., опредѣлявшихъ скорѣе по вдохновенію, нежели по серьезной системѣ.

Во всякомъ случаѣ психо-графологія трудами многихъ ученыхъ вышла на опредѣленный путь научнаго развитія, завоевала почетное мѣсто въ наукѣ, какъ младшая сестра психологіи.

Съ каждымъ днемъ число ея сторонниковъ растетъ, возрастаетъ количество графологическихъ журналовъ, кружковъ и серьезныхъ научныхъ изслѣдованій.

Въ связи съ неслыханными потрясеніями европейской войны чрезвычайно интересна личность императора Вильгельма II—этого новоявленнаго гунна, поднявшаго на себя тяжесть объявленія европейской войны... Все, что можетъ пролить свѣтъ на его личность такъ важно и значительно, что понятенъ тотъ интересъ, который можетъ вызвать графологическій анализъ его характера...

Попытаемся же примѣнить всѣ данныя графологіи къ изслѣдованію его нравственнаго облика...

Въ нашемъ распоряженіи имѣется два его почерка: одинъ, относящійся къ 90 годамъ прошлаго столѣтія; другой къ началу XX вѣка.

Контрастъ настолько разителенъ, что даже непосвященному станетъ ясна глубокая перемѣна въ его характерѣ за послѣдніе 20—25 лѣтъ. Къ сожалѣнію я не имѣю его почерка за послѣдніе годы, но думаю, что въ немъ наиболѣе рѣзкое и выпуклое освѣщеніе получили неблагопріятныя стороны его характера.

Изслѣдуемъ же 1-ый образчикъ (см. № 1). Связан-

ный почеркъ свидѣтельствуетъ о склонности обращать вниманіе на разумныя практическія цѣли. Это реалистъ по натурѣ и въ характерѣ начертанія буквъ, то округленныхъ, то кое-гдѣ заостренныхъ, проглядываютъ доброта, вспышки жестокости, потребность въ дружескомъ всестороннемъ сочувствіи. Отвѣсныя, вертикально-поставленныя буквы говорятъ о томъ, что онъ не высказывается весь, что онъ способенъ глубоко запрятать въ душу свои внутреннія рѣшенія, обмануть и не дать проникнуть въ нихъ...

Длинныя петли въ такихъ буквахъ, какъ «у» и «g» указываютъ на способность долго говорить. Это ни что иное, какъ извѣстная всему міру страсть Вильгельма произносить рѣчи.

Нѣкоторая судорожность въ начертаніи обратныхъ штриховъ, указываетъ на горячность, сдерживаемую разумомъ...

Общее впечатлѣніе отъ почерка таково, что сразу опредѣляешь его, какъ человѣка съ волей ниже-средняго, но своими волевыми вспышками, дающими ложное впечатлѣніе силы.

Всѣ отрицательныя черты, какъ напр., извѣстная двуличность, хвастливость еще умѣряется положительнымъ воспитаніемъ. Самоуваженіе еще въ предѣлахъ нормальнаго (прописныя буквы умѣренно возвышаются надъ строчными). Психическія уклоненія

только предугадываются. Однимъ словомъ—это человѣкъ, еще не потерявшій надъ собою власть...

Но стоитъ взять въ руки позднѣйшій образчикъ его почерка (см № 2), какъ мгновенно поражаешься

(обр. № 2.)

и ужасаешься тому внутреннему распаду, который обнаружился въ почеркѣ. Этотъ измѣнившійся почеркъ находится внѣ зависимости отъ качества пера, или же душевнаго состоянія пишущаго. Весь почеркъ аффектированъ, безсиленъ, крайне судороженъ, наблюдаются мазаные штрихи и болѣзненныя утолщенія. Почеркъ явно дрожащій и производящій впечатлѣніе легкой парализованности, какъ результатъ внутренняго ослабѣванія двигательныхъ центровъ. Прописныя буквы паталогически вытянулись вверхъ... Единственное объясненіе этому только то, что Вильгельмъ былъ охваченъ первыми признаками душевнаго недуга, внѣшнее выраженіе котораго въ маніи величія. Власть

надъ собою начинаетъ исчезать и остается одна болѣзненная жажда господства и стремленіе охватить весь міръ (вытянутыя кверху буквы). Но и въ силу этихъ же свойствъ имъ становится крайне трудно руководить... Въ начертаніи буквъ видна душевная спутанность, перескакиванія, необдуманный размахъ. И сейчасъ же возникаетъ мысль о наслѣдственности, но, къ сожалѣнію, нѣтъ подробныхъ данныхъ для рѣшенія этой сложной психологической загадки... Ясна внутренняя борьба между послѣдними остатками предусмотрительнаго разума и больной жаждой владычества... Жизнь разрѣшила эту борьбу въ пользу послѣдняго... Вильгельмъ не удержался на грани государственнаго разума и перешагнулъ ее.

И много неслыханныхъ сюрпризовъ міру готовитъ его больная воля!..

Что толкнуло Вильгельма II на преступленіе.

Только что вернувшійся въ Парижъ берлинскій сотрудникъ «Figaro», г. Бонэфонъ, въ сжатыхъ чертахъ излагаетъ возникновеніе войны.

«Утопая въ атмосферѣ роскоши и пріятной жизни, нѣмецкая имперія, вопреки пророческимъ предупрежденіямъ барона фонъ-Рэйнбабена ослабѣвала съ каждымъ днемъ, тогда какъ партія враговъ имперіи все крѣпла. У самаго ея порога преображенная Россія усиливала свою армію, безъ счета черпая свои неизсякаемые рессурсы людей.

Съ виду во всемъ апогеѣ могущества, въ дѣйстви-

тельности же уже въ началѣ упадка и въ полномъ сознаніи тѣхъ силъ, которыя ее одолѣвали, Германія устремилась искать обновленія въ кровавой банѣ; она стремилась насильно удержать ускользавшій отъ нея рынокъ; у Франціи—вырвать ея лучшія колоніи; у себя—сразить внутренняго врага въ лицѣ соціалистической партіи, а извнѣ—совершенно разрушить тройственное согласіе.

А вокругъ состарившагося раньше времени и ослабшаго Вильгельма П, шестеро молодыхъ сыновей изо дня въ день проповѣдовали войну, и какъ нельзя лучше пользовались обстоятельствами, поддерживаемые разбушевавшейся, но недалекой военщиной.

А онъ—коронованный диллетантъ, хватавшійся за столько разныхъ предметовъ и ничему серьезно не научившійся,—по обыкновенію колебался между жаждою славы и страхомъ разгрома, о которомъ напомнило ему какое-то таинственное предсказаніе. Въ то же время его удерживала и императрица съ ея чувственными убѣжденіями и боязнью войны. Таково было положеніе въ тѣ дни, когда императоръ отбылъ на лѣтній отдыхъ.

Въ его же отсутствіе военная партія подъ безразличнымъ взглядомъ неудачнаго и къ тому же угнетеннаго семейнымъ горемъ канцлера еще ревностнѣе принялась за свое дѣло и пустила въ ходъ всю военную машину.

Когда же онъ,—этотъ мнимый и болтливый мистикъ и въ то же время глава нѣмецкой арміи, спѣшно вернулся назадъ, то уже засталъ почти законченной всю злую работу пангерманистовъ, которые, какъ таранъ, толкали впередъ столь же честолюбиваго, сколь недалекаго кронпринца. . . . .

Но онъ, императоръ, могъ бы еще бороться, но не сумѣлъ и не захотѣлъ, и въ этомъ—его преступленіе».

Германскіе офицеры и ихъ монархи.

Во всѣ времена Германія приписывала высокія достоинства своей арміи, качествамъ и заслугамъ своего офицерскаго корпуса. Бисмаркъ говорилъ, что въ своей военной реорганизаціи, Франція могла походить на своихъ побѣдителей, но, прибавилъ онъ съ гордостью, есть одно недосягаемое для французовъ—это прусскій лейтенантъ (поручикъ). Этотъ лейтенантъ, правду сказать, не представлялъ собой орла, даже одноглаваго; его умственное развитіе очень ограничено и образованіе посредственно, но онъ пользуется престижемъ, и очень высоко ставитъ свое положеніе и корпорацію. Обезпеченный и увѣренный въ особенной благосклоности императора, въ то время, когда общество смотрѣло на него съ уваженіемъ, онъ пробовалъ даже превзойти самого себя, чтобы оказаться «на высотѣ». Онъ усиленно и добросовѣстно работалъ; его высокомѣрное отношеніе ко всякому штатскому не мѣшало ему быть въ своей профессіи очень скромнымъ. Онъ преклонялся предъ тѣми старшими, которые выдѣлялись изъ массы. Когда выборъ Монарха падалъ на нѣкоторыхъ отборныхъ подчиненныхъ, никто не протестовалъ противъ этого повышенія.

Каждый считалъ себя безсмѣннымъ и каждый чувствовалъ себя обезпеченнымъ: великолѣпныя и

благопріятныя условія, при которыхъ каждый могъ съ полнымъ увлеченіемъ и душой отдаваться своей спеціальности, тѣмъ болѣе, если его подстрекало самолюбіе и въ тоже время надъ нимъ висѣла боязнь попасть въ немилость.

Прекрасныя условія, для того, чтобы выработался характеръ, такъ какъ никто не находился во власти капризовъ какого-нибудь другого лица, никто не ожидалъ успѣха отъ лицемѣрія и никто не страшился непріятныхъ послѣдствій неразумной инициативы.

Вотъ почему прусскій лейтенантъ, съ виду сравнительно ограниченный, становится прекраснымъ капитаномъ.

И если французскіе генералы одареннѣе нѣмецкихъ, эти послѣдніе всегда выше ихъ въ своей спеціальности, точностью, аккуратностью, усидчивымъ прилежаніемъ, исполнительностью, знаніемъ и характеромъ. Узкая спеціальность позволяла развить въ глубину всѣ качества, хотя, ограничивало въ тоже время широту кругозора.

Вотъ главная причина солидности учрежденій, на которыхъ величественно покоится военная сила Германіи.

Безпристрастные о Вильгельмѣ II.

Когда двадцать пять лѣтъ тому назадъ, послѣ медленной трагической агоніи кончились въ девяносто девять дней царствованія императора Фридриха Ш,

тѣнью процарствовавшаго, не сойдя со своего смертнаго одра,—первенецъ его, Вильгельмъ II, вступивъ на престолъ, сразу и на довольно долгое время приковалъ къ себѣ вниманіе всего міра. О немъ очень много говорили и писали, отъ него многаго съ разныхъ точекъ зрѣнія ждали. Имъ интересовались всѣ, потому что близко его не зналъ никто.

Ходячія свѣдѣнія о личности, характерѣ, убѣжденіяхъ, вкусахъ, привычкахъ, качествахъ, недостаткахъ Вильгельма II были весьма скудны и случайны. Извѣстно было, что между родителями,—людьми высокой умственной и нравственной культуры,—и сыномъ часто вспыхивали острыя столкновенія. Молодой человѣкъ больше увлекался патріотическими завоеваніями и міровою славою своего дѣда, чѣмъ мирными, широко гуманитарными настроеніями отца и матери. Онъ кончилъ,—не первымъ,—гимназію въ Касселѣ, но не дослушалъ полнаго курса юридическихъ и государственныхъ наукъ и покинулъ университетъ въ Боннѣ только послѣ двухлѣтняго въ немъ пребыванія. Онъ много и успѣшно работалъ затѣмъ надъ военными науками, особенно интересуясь военною исторіею и даннымъ сравнительнымъ состояніемъ вооруженныхъ силъ на континентѣ. Кронпринцъ выдержалъ и выпускной экзаменъ въ академіи генеральнаго штаба. Заслуживаетъ вниманія слѣдующій фактъ. Диссертація его была посвящена воображаемой войнѣ Германіи съ Россіею и кончилась разгромомъ Россіи, потерявшей Царство Польское, Прибалтійскій край и выплатившей 5 милліардовъ контрибуціи. Не эту ли академическую безумную мечту и хочетъ осуществить теперь на практикѣ кровавый императоръ?

Извѣстно было, что природа надѣлила Вильгельма

выдающимися способностями. Она дала ему большой умъ, ясный, положительный, твердый, замѣчательную память, заполнившую его голову энциклопедически-богатымъ и разностороннимъ матеріаломъ, дала живое и яркое воображеніе, острое критическое чутье, художественный инстиктъ и безспорный ораторскій талантъ. Умъ его былъ чисто-нѣмецкаго склада и закала, холодный и безкрылый, систематическій и логическій, воспріимчивый и осмотрительный. Воображеніе всегда вращалось только въ кругу реальныхъ предметовъ, явленій и темъ. Особенно охотно и легко оно расцвѣчивало для молодого принца вопросы о международномъ первенствѣ въ Европѣ германскаго міра, о первыхъ выступленіяхъ его на политической аренѣ, о блескѣ и побѣдахъ будущей своеобразной и неожиданной, искуссной и смѣлой нѣмецкой политики, о неустанномъ совершенствованіи нѣмецкой арміи, о возможности въ Германіи сближенія, а, можетъ-быть, даже и компромисса между государственнымъ починомъ, вмѣшательствомъ и запросами соціальнаго и экономическаго быта и пр. Художественные позывы Вильгельма проявлялись въ живописи, въ музыкѣ, даже въ поэзіи. Ему удавались иногда незначительныя акварели, рисунки карандашомъ, перомъ, гуашью. Мызыкальныя влеченія и затѣи молодаго императора создали впослѣдствіи даже цѣлую оперу, хотя и прикрытую псевдонимомъ. Она оказалась впрочемъ недолговѣчною. Потерпѣло фіаско и императорское стихотворство. Оно было напыщеннымъ и деревяннымъ. За то выгодно для Вильгельма опредѣлилось его краснорѣчіе. Особенно въ первые годы его царствованія оно произвело не только у нѣмцевъ и на нѣмцевъ, но и во всей Европѣ большіе эффекты. Публичное слово германскаго императора

плавно, иногда красиво и оригинально. Иногда въ немъ слышались и новыя нотки—новые окрики или отклики. Увлеченіе краснорѣчіемъ дѣлало Вильгельма даже духовнымъ проповѣдникомъ,—только передъ его военною паствою впрочемъ.

Извѣстно было кое-что и о характерѣ молодого монарха. Въ немъ было много, очень много для конституціоннаго государя, даже слишкомъ много воли,—воли какъ двигателя, какъ усмотрѣнія и какъ дѣйствія. Это былъ характеръ властный, повелѣвающій, упорный и рѣшительный. Къ нему довольно близко подходилъ девизъ французскаго короля-абсолютиста: «Государство, это—я». Характеръ суровый, злопамятный, сокрушительный для противниковъ и высокомѣрный даже и для наиболѣе ему преданныхъ людей. Натура—самопротивоположная, архаическая и современная: искренно и глубоко-вѣрующая въ божественность своего призванія и въ то же время вполнѣ буржуазная, очень скромная по своимъ частнымъ, домашнимъ нравамъ, привычкамъ, вкусамъ. Человѣкъ—нервный и крайне самолюбивый, жадный до впечатлѣній, до ихъ игры и постоянной перемѣны,—любитель природы, воздуха, моря, путешествій, спорта. Нервность очень сильная,—императоръ не владѣлъ ею, и она часто брала перевѣсъ надъ его самообладаніемъ и уравновѣшенностью.

Со своими государственными взглядами, принципами и стремленіями самъ императоръ очень охотно знакомилъ нѣмцевъ. Они были очевидны: лихорадочная жажда дѣятельности, страсть говорить обо всемъ, при всякомъ случаѣ. безпокойство мысли, преслѣдуемой маніей величія, искренне театральное позерство, смѣсь абсолютизма съ модернизмомъ, желаніе удивлять міръ неожиданными рѣчами и дѣйствіями. Онъ

посвятилъ выясненію своего міросозерцанія десятки своихъ политическихъ рѣчей, обращеній и посланій. Онъ—сторонникъ возможно полной, наименѣе ограниченной, обставленной наиболѣе широкими прерогативами монархической власти. Онъ получилъ ее отъ Бога и долженъ нести отвѣтственность за нее только передъ Богомъ. Эта отвѣтственность очень тяжелая, вся на чести и совѣсти основанная. Онъ, какъ императоръ, повелѣваетъ всѣми, но онъ и слуга всѣхъ,—слуга праведный и неподкупный, для всѣхъ равный и всегда къ добру готовый. Его будущая программа—возвеличивать и расширять Германію. вездѣ и во всемъ оберегать ея интересы блестящимъ состояніемъ ея арміи, охранять въ странѣ миръ и трудъ, правду и справедливость, облегчать нуждающимся массамъ населенія ихъ жизненныя тяготы и невзгоды, пытаться устранить изъ быта Германіи элементы и факторы «нездоровыхъ общественныхъ контрастовъ», блюсти за незыблемостью законовъ, всѣми средствами и мѣрами покровительствовать развитію производительныхъ силъ страны, подбодрять энергію ея капитала, содѣйствовать приросту ея сбереженій и пр. Но прежде всего и послѣ всего онъ хочетъ сознавать, чувствовать и восклицать: «Deutshland, Deutschland über Alles!».

Эти свои общія положенія Вильгельмъ II впослѣдствіи иллюстрировалъ и подтверждалъ въ своихъ рѣчахъ еще и своеобразными афоризмами. Нѣкоторые изъ нихъ нравились нѣмцамъ своей мѣткостью или свѣжестью. Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ реченій. недурно характеризовавшихъ личность молодого императора.

«Еще подготовляя себя къ управленію нѣмецкимъ народомъ.—говорилъ Вильгельмъ однажды, — я дол-

го размышлялъ надъ своимъ призваніемъ и пришелъ къ убѣжденію, что правитель страны долженъ умиротворять людей добромъ, а не обуздывать ихъ страхомъ». «Все несчастье сторонниковъ крупныхъ переворотовъ въ государственности и въ общественности въ томъ,—говорилъ импператоръ въ другой разъ,—что они—отвлеченные теоретики. Если бы они должны были охранять властью то или иное благоустройство, они первые возстали бы противъ себя. Но какъ доказать имъ это? Не могу же я, чтобы убѣдить въ этомъ Бебеля, посадить на свой тронъ Бебеля». «При нынѣшнемъ положеніи Европы,—гласилъ третій афоризмъ,—тотъ, кто первый нарушилъ бы миръ, понесъ бы за это жестокое наказаніе».

Но въ одномъ изъ дальнѣйшихъ аффоризмовъ слышался уже совсѣмъ другой человѣкъ. «Мы, нѣмцы,— воинственно восклицалъ ихъ молодой повелитель,— всегда, вездѣ должны помнить, что лучше пусть погибнутъ всѣ наши 18 корпусовъ, лучше пусть исчезнутъ всѣ 42 милліона нѣмецкаго народа, чѣмъ отдать кому бы то ни было хотя бы частицу нашей наслѣдственной или завоеванной нами территоріи!» Въ другой разъ онъ, обращаясь къ какой-то военной депутаціи, говорилъ: «Я принадлежу арміи, армія принадлежитъ мнѣ, и мы составляемъ одно неразрывное цѣлое». Отношеніе свое къ германской оппозиціи онъ установилъ слѣдующей откровенной угрозой: «Я не постѣсняюсь сокрушить тѣхъ, кто будетъ мѣшать мнѣ въ моей государственной работѣ». По отношенію къ рабочему вопросу Вильгельмъ II объявилъ, что онъ «вполнѣ раздѣляетъ взгляды и принципы папы Льва XIII». Мистикъ и художникъ сказывался въ немъ когда онъ взывалъ, обращаясь къ берлинцамъ: «Стройте

даніяхъ, отвернулись отъ императора, составили внушительную баррикаду соціалъ-демократической оппозиціи, широкою волною пробрались въ рейхстагъ и представляютъ собою вѣчнаго непремиримаго внутренняго врага.

Всѣ симпатіи императора принадлежатъ только военному сословію и прусскимъ аграріямъ, крупному мѣстному дворянству. Вильгельмъ II не любитъ интеллигенціи, игнорируетъ крестьянъ и ненавидитъ рабочихъ. Въ обѣихъ палатахъ,—и Верхней и Нижней—хозяйничаютъ у него и законодательствуютъ также почти исключительно лишь представители имущихъ классовъ, — баронское землевладѣніе и городская буржуазія съ примѣсью лютеранскаго духовенства. Достаточно сказать, что въ прусской палатѣ депутатовъ консервативныя и реакціонныя начала исповѣдываются, защищаются и проводятся въ жизнь и дѣйствительность 308-ю голосами изъ 433.

Вліяніе, значеніе и дѣйствіе представительнаго правленіе сведены въ Пруссіи къ самымъ узкимъ и для гражданъ тѣснымъ нормамъ и формамъ. Сеймъ очень рѣдко напоминаетъ пруссакамъ о своемъ существованіи чѣмъ-либо важнымъ, громкимъ и интереснымъ. Ландтагъ не пользуется своимъ правомъ законодательнаго почина. Министры въ Пруссіи—простые слуги короля, а не государства, и они въ своемъ обиходѣ то и дѣло ссылаются на мнѣнія, желанія и приказанія короля.

Ландтагъ не въ силахъ гарантировать пруссакамъ даже основныхъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ видовъ гражданской и общественной свободы. Кто бывалъ въ Германіи и знакомъ съ ея повседневнымъ бытомъ, тотъ знаетъ, что тамъ то, что есть въ

дѣйствительности, очень часто противорѣчитъ тому, что должно было-бы быть по конституціи. Примѣры на каждомъ шагу. Конституція предоставила пруссакамъ свободу обученія, но на дѣлѣ никакая школа не можетъ быть открыта безъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Съ польскими школами въ Познани прусскія власти поступали совсѣмъ по разбойничьему. Гражданамъ принадлежитъ право свободно устраивать всевозможныя собранія, если только они созываются безъ оружія и не подъ открытымъ небомъ; но на дѣлѣ въ Пруссіи рѣшительно о всякомъ собраніи непремѣнно извѣщается полиція. Жилища и мѣстность каждаго пруссака широко ограждены конституціей; но въ дѣйствительности нѣмцы должны мириться и съ обыскными визитами полиціи, и даже съ ея надзорной опекой. По конституціи всякое превышеніе власти правительственными агентами должно быть преслѣдуемо и наказуемо; въ дѣйствительности прусское чиновничество—одно изъ самыхъ безнаказанныхъ въ Европѣ, одно изъ самыхъ грубыхъ и развязныхъ. Высшая бюрократія Берлина — прямо вражескій станъ для страны и общества. Въ Пруссіи существуетъ свобода устнаго слова, но за всякій непочтительный или даже неосмотрительный, хотя-бы даже въ частной бесѣдѣ отзывъ о личности и дѣйствіи главы государства—проговорившіеся попадаютъ, на основаніи даже голословныхъ свидѣтельскихъ доносовъ, въ тюрьму на срокъ отъ трехъ до девяти мѣсяцевъ. Есть тамъ и яко-бы полная свобода печати, но въ предѣлахъ, за соблюденіемъ которыхъ незамѣтно, но очень зорко наблюдаютъ прокуроры, полиціанты, военные и пасторы. Процессовъ по дѣламъ печати въ прусскихъ судахъ масса; въ ихъ числѣ десятки

преслѣдованій совсѣмъ пустяковыхъ; наказанія по нимъ однако часто поражаютъ своей суровостью и формализмомъ судебной власти. Высшее духовенство, не пользуясь даже и у правительства уваженіемъ, располагаетъ однако полнымъ его содѣйствіемъ въ своей реакціонной дѣятельности. Это цѣлая клика корыстолюбивыхъ и воинствующихъ лютеранскихъ іезуитовъ.

И такъ у нѣмцевъ, если не во всемъ ихъ быту и жизни, то въ очень многомъ. Ихъ вырванная у власти конституція и предоставила населенію королевства всѣ на континентѣ дѣйствующіе виды и формы пополитической, общественной и частной свободы, но не дала имъ никакихъ средствъ и способовъ для полнаго реальнаго ихъ осуществленія и сохраненія.

Нынѣшній Вильгельмъ II весь на сторонѣ именно этого государственнаго строя и управленія. Мало замѣтно и осторожно, но, несомнѣнно, ведетъ онъ выдержанную и систематическую войну съ домогательствами и правами нѣмецкаго народа. Онъ внемлетъ при этомъ совѣтамъ и указаніямъ только окружающихъ его военныхъ аграріевъ и личныхъ своихъ фаворитовъ. Онъ относится свысока къ общественному мнѣнію и «презираетъ печать». Съ политическимъ вліяніемъ и силой придворной котегоріи трудно бороться въ Потсдамѣ и канцлеру имперіи. Недаромъ императоръ нѣсколько разъ заявлялъ, что самъ онъ и есть «собственный канцлеръ». Роль германскаго канцлера очень сложная и тусклая. Она сводится чуть-ли не къ простому секретарству въ странѣ, гдѣ девизомъ монарха служитъ имъ-же для себя избранное латинское рѣченіе: «Sic volo, sic jubeo» (такъ хочу, такъ приказываю!)

Въ Европѣ слѣдили за политикой Вильгельма II

постоянно съ большимъ и очень серьезнымъ вниманіемъ. Въ Германіи его «обожаютъ», въ арміи и флотѣ горячо преданы ему, всегда восторгаются имъ въ аристократіи и плутократіи. Въ широкихъ среднихъ образованныхъ кругахъ питаютъ къ императору равнодушіе, смѣшанное съ недовѣріемъ и ироніей. Наконецъ, внизу, у народа, въ селѣ, маломъ городкѣ, и на фабрикѣ В. II не популяренъ. Въ немъ разочаровались. Всѣ его краснорѣчивыя вступительныя обѣщанія всѣми забыты, и отъ него не ждутъ болѣе для народной жизни ничего новаго, крупнаго, цѣльнаго и знаменательнаго.

Въ 1895 году Вильгельмъ II, обращаясь въ Кельнѣ къ представлявшейся ему депутаціи отъ города и купечества сказалъ:

«Будьте спокойны. Блага мира обезпечены. Я полагаю, что тѣ, которые посягнутъ на нихъ получатъ такой урокъ, который они сто лѣтъ будутъ помнить»—

Говоря это, онъ былъ пророкомъ въ отечествѣ своемъ.

Юбилей осинаго гнѣзда.

Война помѣшала Вильгельму II надлежащимъ образомъ отпраздновать 500-лѣтіе существованія своего родового осинаго гнѣзда.

Юбилею суждено было пройти подъ громъ 42-дюймовыхъ орудій, и его ознаменовали не придворные балы и увеселенія, а германскія звѣрства въ формѣ

удушливыхъ газовъ, потопленія мирнаго океанскаго парохода «Лузитанія» и т. д.

Какъ осы, выкуриваемыя дымомъ изъ своего насиженнаго гнѣзда, бѣснуются въ безсильной злобѣ и жалятъ всѣхъ проходящихъ, такъ Гогенцоллернъ Вильгельмъ II и его достойные сынки, громилы съ отмычкой, бѣшенствуютъ, быть можетъ, безсознательно предчувствуя скорую гибель своего родового гнѣзда.

Древніе предки теперешнихъ Гогенцоллерновъ были типичными разбойниками-рыцарями съ большой дороги, превзойдя своей жестокостью и нарочитой сдѣлавшейся исторической, подлостью представителей другихъ германскихъ королевскихъ и герцогскихъ домовъ.

Одинъ изъ Гогенцоллерновъ, Фридрихъ Широкоплечій, въ XII вѣкѣ, чтобы сдѣлать удовольствіе могущественному императору Генриху VI, предательски напалъ на пфальцскаго маркграфа Конрада во время придворныхъ празднествъ; всѣхъ умертвилъ, оставивъ въ живыхъ одного пажа, котораго съ отрубленными ушами послалъ къ императору съ вѣстью, что его врагъ умерщвленъ.

Въ фамильной хроникѣ Гогенцоллерновъ отравленіе, поджоги, предательскія убійства, измѣна, данному подъ крестомъ и Евангеліемъ, слову играли настолько большую роль, что даже обратили на себя вниманіе неизбалованныхъ по части королевскихъ нравовъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ.

Обращаясь къ новой исторіи, мы видимъ въ этой династіи тѣ же черты подлости и жестокости, только нѣсколько смягченныя налетомъ цивилизаціи.

Одного изъ этихъ Гогенцоллерновъ въ частности и весь гогенцоллерновскій родъ вообще неутомимо

обличало огненное, саркастическое перо Генриха Гейне.

«Почему прусскіе короли такъ долго живутъ? — спрашиваетъ поэтъ, и отвѣчаетъ:—Потому, что боятся на томъ свѣтѣ встрѣтиться съ Наполеономъ».

Неоднократно въ стихахъ и прозѣ отмѣчаетъ Гейне сходство прусскихъ повелителей съ лошадьми и во внѣшности, и въ психологіи.

Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи «Дворцовая легенда» Гейне, приписывалъ происхожденіе Гогенцоллерновъ участію одного пылкаго жеребца, говоритъ:

«Лошадиный прародитель
Оказался молодцомъ:
Каждый прусскій повелитель
Такъ и смотритъ жеребцомъ.
Рѣчи ихъ текутъ изъ стойла,
Смѣхъ ихъ—ржанье, мысли—нѣтъ,
Вся ихъ жизнь—жранье и пойло.
Человѣка—вымеръ слѣдъ».

Такъ зло писалъ нѣмецкій поэтъ.

Эта характеристика не утратила своего примѣненія и къ здравствующимъ Гогенцоллернамъ, особенно въ отношеніи внѣшности и лошадиной психологіи, она относится къ кронпринцу.

Надо надѣяться, что Вильгельмъ II, будетъ послѣднимъ коронованнымъ представителемъ осинаго гнѣзда, которое должно быть выкурено безпощаднымъ дымомъ союзниковъ.